

Восточная Европа в древности и средневековье

[VIII]

**Российская академия наук
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

**ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
В ДРЕВНОСТИ
И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

**VIII Чтения
памяти члена-корреспондента АН СССР
Владимира Терентьевича Пашута**

Москва, 17-19 апреля 1996 г.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

МОСКВА 1996

042(02)1

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда**

Редакционная коллегия

**д. и. н. Е. А. Мельникова (ответственный редактор),
член-корреспондент РАН Я. Н. Шапов,
д. и. н. Т. Н. Джексон (ответственный секретарь),
д. и. н. И. С. Чичуров, к. и. н. Г. В. Глазырина,
к. и. н. А. В. Назаренко, к. и. н. А. В. Подосинов**

ISBN 5-201-00603-5

© Институт российской
истории РАН, 1996 г.

С. В. Белецкий (Санкт-Петербург)
К вопросу о принадлежности
новгородской подвески № 22-27-1181

Подвеска № 22-27-1181, найденная на Неревском раскопе в Новгороде в 1956 г., уже была предметом внимания исследователей. А. А. Молчанов полагал, что на разных сторонах подвески помещены "близкие варианты одного и того же орнаментального плетения, в котором угадывается в качестве прототипа знак Ярослава Всеволодича. [...] Признать изображения на данной подвеске официальными княжескими эмблемами никак нельзя, несмотря на их иконографическую зависимость от последних. Перед нами скорее всего декоративные композиции на тему трезубца Рюриковичей, [...] сходного с мотивом растительного крина," – заключил исследователь (Молчанов 1976: 76). М. В. Седова (1981: 36) считала, что подвеска "имеет двустороннее изображение княжеского знака, усложненного плетеными завитками", а от персонификации изображений воздержалась. В. Л. Янин детально подвеску не анализировал, но в статье, посвященной деревянным цилиндрам из Новгорода, признал трезубцы на подвеске знаками Ярослава Мудрого (Янин 1982: 150).

Я не разделяю пессимизма Молчанова в отношении возможностей персонификации знаков на подвеске и атрибуции самого предмета в качестве верительного знака княжеского уполномоченного. И дело даже не в том, что декоративная плетенка, заполняющая свободное пространство вокруг ножек трезубца, не мешает зрительно вычленять основной рисунок тамги: перед нами действительно княжеские знаки в их парадно-декоративном (по терминологии Б. А. Рыбакова) оформлении. Значительно существеннее тот факт, что на разных сторонах подвески, вопреки общему мнению исследователей, изображены различные, хотя и близкородственные знаки. Основное отличие трезубцев состоит в оформлении вершины

центрального зубца: на лицевой стороне (определения сторон – по А.А. Молчанову) центральный зубец увенчан ромбом, в то время как на оборотной стороне – кружком. Все прочие элементы трезубцев – завершения боковых зубцов, прямоугольные очертания знаков, треугольная форма ножки – совпадают.

Ближайшей аналогией трезубцу на оборотной стороне подвески действительно является трезубец, помещенный на монетах Ярослава Мудрого, а также и на ряде подвесок. Для трезубца на лицевой стороне аналогией является трезубец на заготовке каменного грузила из Неревского раскопа. В.Л. Янин полагает, что трезубец, изображенный на грузиле, – это тот же самый трезубец Ярослава Владимировича. Однако тот факт, что торец, изготовивший форму для отливки рассматриваемой подвески, отчетливо различал принцип оформления вершины центрального зубца у трезубцев, утрированно подчеркнув ромб, дает основание рассматривать трезубец, изображенный на грузиле, в качестве тамги, родственной, но не идентичной тамге Ярослава. Аналогичный трезубец известен и среди граффити на восточных монетах; в Своде 1991 г. этот знак без аргументации атрибутирован Ярославу Мудрому (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: № 103).

В этой связи привлекает внимание трезубец на печати № 2 Корпуса В.Л. Янина. Булла и изображенная на ней тамга уверенно атрибутированы князю Изяславу Владимировичу (Янин 1970: 41). Янин подчеркнул, что определению способствует хорошо читаемая надпись ИЗАС[ЛАВ]ОС, а также "строение... княжеского знака, чрезвычайно близкого тамге Владимира Святославича и отличающегося от нее лишь дополнительным кружком на вершине левого зубца". В действительности, никакого кружка на вершине левого зубца у этого трезубца нет: за кружок (как справедливо отмечал А.А. Молчанов – 1984: 68, примеч. 15) была принята буква О круговой легенды, читающейся ИЗАС[ЛАВ]ОСО. Однако согласиться с Молчановым в том, что на печати № 2 Корпуса помещено изображение трезубца Владимира Святослава, я не могу: вершину центрального зубца у трезубца на печати уленчивает крест, отсутствующий у

трезубца Владимира. Кстати говоря, именно так прочитали знак на печати М.П. Сотникова и И.Г. Спасский (1983: 84, рис. 23).

Таким образом, знаки по крайней мере двух сыновей Владимира Святого, Изяслава и Ярослава, отличаются от тамги отца одним, а тем же элементом - оформлением вершины центрального зубца. Этим же элементом трезубцы Ярослава и Изяслава различаются между собой. По-видимому, есть основания полагать, что знак на заготовке грузила, граффито № 103 Свода 1981 г. и знак на лицевой стороне подвески, адекватные друг другу, также принадлежат сыну Владимира Святославича, брату Изяслава и Ярослава.

При попытке персонифицировать знак на лицевой стороне подвески на память приходит изображение трезубца, вырезанное на костяной накладке рукояти от сложного лука из раскопок Таманского городища (Медведев 1966: табл. 3, 6). Этот знак традиционно атрибуируют сыну Владимира Святого, Мстиславу Тмутараканскому. Однако нетрудно заметить, что знак на таманской накладке отличается от тамги Владимира Святославича двумя значимыми элементами: вершина центрального зубца у него увенчана ромбом, отделенным от остальной части зубца перекладной, а треугольная ножка дополнена крестом. Это не позволяет рассматривать знак на накладке в качестве тамги сына Владимира - отмеченное выше отличие знаков сыновей Владимира от знака отца на один элемент дает основание полагать, что знак на таманской накладке принадлежал одному из внуков Владимира Святого.

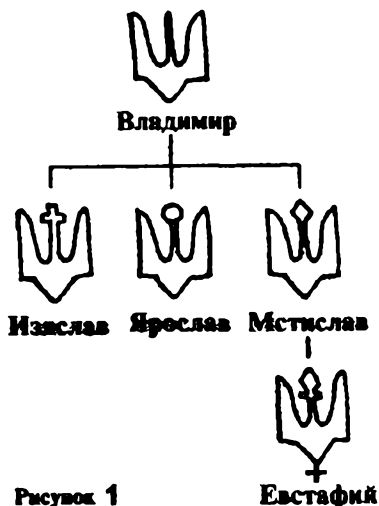
Промежуточным звеном между тамгой Владимира Святого и тамгой на таманской накладке, на мой взгляд, можно считать тамгу, помещенную на лицевой стороне подвески и на заготовке каменного грузила из Новгорода, а также граффито № 103 Свода 1981 г. Этот трезубец полностью отвечает требованиям к описанию тамги: от трезубца Владимира его отличает более сложное оформление вершины центрального зубца, от тамги на таманской накладке - более простая форма ножки.

Отказавшись от атрибуции трезубца на таманской накладке Мстиславу Тмутараканскому, я, тем не менее, считаю

достаточно серьезным главный довод, приводимый в пользу персонификации тамги, – место находки предмета. Наиболее вероятным претендентом на отождествление с владельцем знака, помещенного на таманской накладке, является, по моему мнению, сын Мстислава Тмутараканского Ерастафий. Напомню, что к моменту смерти Ерастафия, скончавшегося еще при жизни отца (1033 г.), резиденцией Мстислава Владимировича уже был Чернигов, место же княжения тридцатилетнего Ерастафия не известно. Если предлагаемая атрибуция знака на таманской накладке верна, то владельцем знака, помещенного на лицевой стороне новгородской подвески, следует считать Мстислава Владимировича. В известной мере это подтверждает хронология слоя, из которого происходит заготовка каменного грузила (слой 24 яруса, 1025–1055 гг.). Аббасидский дирхем 813–833 гг., на котором процарапано граффито № 103 Свода 1991 г., происходит из клада у с. Свирьстрой, сокрытого около 1020 г.; судя по размещению трезубца на монете, дирхем был обрезан в кружок еще до того, как на него был нанесен знак, так что не исключено, что граффито появилось на монете незадолго до сокрытия клада.

После сказанного схема соотношения лично-родовых знаков, рассмотренных выше, приобретает такой вид, как на рис. 1.

Большинство исследователей сходится в том, что подвески со знаками Рюриковичей являлись официальными регалиями власти княжеских уполномоченных лиц – своего рода верительными знаками. Размещение на разных сторонах одной подвески двух различных знаков достаточно определенно указывает на то, что в своей деятельности держатель подвески выступал полномочным представителем двух князей одновременно. Единственным объяснением этому является гипотеза о дуумвирате владельцев знаков. Признавая знаки на подвеске знаками Ярослава Мудрого и Мстислава Тмутараканского, мы можем констатировать, что речь идет о дуумвирате братьев-Владимировичей, зафиксированном в летописи в рассказе о борьбе Мстислава Тмутараканского за передел власти в государстве, завершившейся Городецким миром 1026 г.

Таким образом, деятельность держателя подвески определяется в интервале между 1026 г. и кончиной Мстислава Владимировича (1034 или 1036 г.). Учитывая наблюдение А. А. Молчанова о том, что ушко подвески почти полностью протерлось (потребовалось даже просверлить отверстие для подвешивания), а также связывая деятельность держателя подвески с Новгородом, можно полагать, что владелец подвески исполнял должностные обязанности представителя Ярослава и Мстислава Владимировичей достаточно длительное время. Среди политических деятелей Новгорода, действовавших в интересующий нас период времени, был всего один человек, отвечающий требованиям, которые следует предъявить к характеристике держателя подвески. Речь идет о новгородском посаднике Коснятине Добрыниче – двоюродном дяде Ярослава и Мстислава Владимировичей.

Добавляя к сказанному, что подвеска № 22-27-1181 обнаружена в северо-восточном углу усадьбы "И" близ перекрестка Великой и Кузьмодемьянской улиц. Яруса 22-24 на усадьбе "И" (1025-1096 гг.) составляют, по заключению

П. И. Засурцева (1963: 104), единый строительный период, причем яруса 23-24 (1025-1078 гг.) представлены одними и теми же постройками. Близость находки к уличным мостовым не исключает фактора случайности в местонахождении предмета. Заготовка каменного грузила с изображением трезубца Истислава Тмутараканского происходит с территории усадьбы "Е", причем грузило найдено в слое, соответствующем по времени периоду деятельности Коснятина Добрынича. Однако обнаружено грузило в той части усадьбы "Е", которая в 70-е годы XI в. отошла к усадьбе "Б" (Засурцев 1963: 117, 118, 123). Имеют ли перечисленные усадьбы отношение к Коснятину Добрыничу, судить не берусь, хотя вероятность его проживания в Неревском конце Новгорода весьма велика (Засурцев 1967: 83).

* * *

Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Д. К. Граффити на восточных монетах. Л., 1991.

Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1963. № 123.

Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. М., 1967.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв. // Свод археологических источников. М., 1966. Вып. Е, I-36.

Молачанов А. А. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. VII.

Молачанов А. А. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X-XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1984. Вып. XVI.

Седова М. В. Двудельные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981.

Сотникова М. П., Сласский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X-XI вв. Л., 1983.

Яким В. Л. Актовые печати древней Руси X-XV вв. Т. I. М.,

1970.

Яник В.Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода М., 1982.

М.В.Бибииков (Москва)

К изучению источников права Руси и славян

Проблемы рецепции римского и византийского права в законодательстве славян и Руси – традиционная важная тема исследований по истории государства и права как в отечественной, так и в мировой науке (А.С.Павлов, Н.Дювернуа, К.Цахарие В.Н.Бенешевич, Т.Сатурник, И.Жужек, В.Ганев, М.Андреев, М.Петрович и др.). Успехи последних лет, переложения и применения норм, восходящих к византийским правовым памятникам, у славян и в Древней Руси (Я.Н.Щапол, Л.В.Милов, Е.К.Пиотровская). В меньшей степени обращала на себя внимание трансформация правовых норм самого юстинианова законодательства в виде различных вариантов византийских компиляций, распространявшихся в странах православного мира.

Памятники древнерусского и славянского права в составе Кормчих книг, Закона судного людем, Книг законных, Эклоги воспроизводили переводы с греческого соответствующих византийских текстов Синагоги в XIV титулах и Номоканона, Прохирона, Земледельческого закона, Морского закона, Эклоги, представлявших собой эманацию положений классического юстиниановского и пост-юстиниановского права.

Выяснение путей трансформации классического права через византийские юридические тексты в памятники славянского и древнерусского законодательства позволяет в виде предварительной схемы представить конкорданцию параллелей (чисто парафрастического типа) к славянским и древнерусским памятникам нормы классического права, к которым в конце концов (через византийское посредничество) и восходят эти положения. Данная конкорданция характеризует пока не столько результат, сколько направление поиска.

VII 6,1,7; 2: Cod.Just.VIII 50,2,20; 3: Dig.25,3,6,1; Cod.
 Just.VI 7,2 pr.; Nov.78,2,1; IX.1: Inst.3,23; Dig.21,1,1; Cod.
 Just.IV 44,3; 2: Inst.3,23 pr.; Cod.Just.IV 21,17,2; X.1,1:
 Inst.3,14,2-4; Dig.13,7,13,1; 44,7,1,4,5; Cod.Just.IV 24,6,8;
1,2: Inst.2,8,1; Cod.IV 24,4; VIII 33,3; 2: Nov.134,7; 3:
 Nov.134,8; 4: Inst.3,25,1-2; XI.1: Inst.4,6,17; Dig.16,3,1,
 18,20; Cod.Just.IV 34,1; XII.1: Dig.6,3,1; Cod.Just.IV 66,
 1-2; Nov.7,7; 120,5; 2: Inst.3,24,3; Cod.Just.IV 66,3; 3: Cod.
 Just. IV 66,2; Nov.7,3,2; 120,8; 4: Nov.120,1,6; 5: Nov.7,3;
 120,1; 6: Cod.Just.IV 65,31; Nov.120,5,7; XIII.1: Cod.Just.
 IV 65,34; Nov.120,3; XIV.1: Nov.90,1; 2,1: Cod.Just.IV 20,6;
2,2: Cod.Just.IV 20,8,12; 3: Cod.Just.IV 20,7; 4: Cod.IV 20,
 9; 5: Cod.Just.IV 20,16,1; Nov.90,5 pr.; 6: Cod.Just.IV 20,
 17; Nov.90,7; 7: Cod.Just.IV 20,20; Nov.82,11,1; 8: Nov.90,
 2; 9: Nov.90,3; 10: Nov.90,5,1; 11: Nov.90,4; 12: Nov.18,8;
XV.1: Nov.73,1-2; 2: Cod.Just.II 4,17; 3: Cod.Just.II 4,13;
XVI.1: Inst.2,12 pr.; Cod.Just.III 28,37; VI 22,12; 3: Cod.
 Just.I 3,33; III 28,37; 4: Cod.Just.VI 22,12; Nov.18,1; 5:
 Cod.Just.VI 61,8; XVII.1: Cod.Just.I 12,2,3,6; 2: Cod.Just.
 IV 1,2; 3: Inst.4,18,3; Dig.48,4; Cod.Just.IX 8,5; IX 7,1;
4: Nov.123,31; 5: Cod.Just.VIII 4,7; 7: Dig.13,6,5,7; 8: Cod.
 Just.III 35,5; 9: Dig.9,1,1,11; 10: Dig.49,16,3,14; 11: Inst.
 4,1,19; Dig.48,19,1,3; 12: Inst.4,8,3; 13: Dig.47,14; 14:
 Dig.47,12; 15: Dig.48,13; 16: Dig.58,15; Cod.IX 20; 17: Cod.
 Just.VI 1,4; 18: Dig.48,10; Cod.Just.IX 24; 21: Cod.Just.IX
 9,24; 22: Dig.11,3,1-2; 47,10,25; 23: Nov.6,6; 123,43; 24:
 Cod.Just.IX 13,1 = I 3,53; Nov.123,43; 27: Cod.Just.IX 9,29;
 Nov.134,10; 28: Dig.48,5; Cod.Just.IX 9; 30: Dig.48,5,30,9;

48,6,3,4; 31: Dig.48,19,38,3; 32: Dig.48,5,14,3; 33: Nov.18,1;
34: Cod.Just.V 5,2; Nov.18,5; ³⁶ Dig.48,8,8; 38: Cod.Just.IX 9,30;
 Nov.77;141; 40: Dig.47,7,1; 41: Dig.9,2,30,3; 47,9,1,9,12; 48,
 19,28,12; 42: Inst.4,18,5; Dig.48,19,38,5; 43: Cod.Just.IX 18,
 4,6; 44: Cod.Just.IX 18,4,1; 45: Dig.48,8; Cod.Just.IX 16,5;
46: Inst.4,18,5; Dig.48,8,1,3; Cod.Just.IX 16,6; 47: Dig.48,8,
 17; Cod.Just.IX 16,4; 49: Cod.Just.IX 14,1; 50: Dig.48,19,20,15;
51: Cod.Just.IX 2,17;IX 46,10; 52: Cod.Just.I 5,16; 54: Cod.Just.
 IX 16,7.

СНОВАГОРЕ В XIV ТИТУЛАХ - КОПИЛНИКЪ КНИГА

I,1: Cod.Just.I 1,1,5,6,7,8; 2: Nov.2,3; Cod.Just.I 3,44 +
 Nov.1,1,4; Cod.Just.I 2,12; 3: Dig.1,3,32-38; Cod.Just.VIII
 92,1-3; Dig.50,17,183; 5: Cod.Just.I 1,7,2,6,24; Nov.1,2; 2,
 3; Cod.Just.I 2,16; Nov.1,8;2,3; 6: Cod.Just.I 3,12,30,41(42),
 47,52; Nov.1,1,2,17; 8: Nov.1,1,2,17; 9: Nov.1,2;¹⁰ Cod.Just.I
 5,18;11,10; 11: Nov.1,2,1; 14: Cod.Just.IV 42,1,2; Dig.48,6,
 3-6,11; 20: Cod.Just.I 3,35,39; 23: Nov.1,1,2,17; 24: Cod.
 Just.I 3,30,41; Nov.1,1;11,2; 26: Nov.1,9,10; 28: Cod.Just.
 I 3,9; Nov.1,1,2,17; 30: Nov.1,1,9,10; 32: Cod.Just.IX 9,2;
34: Cod.Just.I 3,11;I 3,16; Nov.1,2; 36: Cod.Just.I 3,36; Nov.
 1,8; II,1: Cod.Just.I 2,15;I 3,45; Nov.2,3;Dig.1,9,1,6,8-10;
 Inst.2,1,6; 3,19,23;4,15; Dig.1,16,7;2,14,61; 6,1,23; 8,1,14;
 11,7,36; 17,2,63; 18,1,4,6,62,73; 24,1,5; 27,10,12; 30,39; 29,
 1,1,3,17; 41,2,30,3,9; 43,1,2; 43,6,1,8,2; 44,6,3; 45,1,38,
 83,91,137; 47,22,2; 48,4,1; 50,16,17; 33,1,20; 34,1,17; 40,
 12,35; 24,1,5; 34,2,38; 35,2,1; 50,12,2; Cod.Just.I 2,1,13,19,
 22-25;3,24,28; Nov.2,3; Cod.Just.I 3,45,55; Nov.2,3;1,2; Cod.

Г.В.Глазырина (Москва)

Сведения о "конунгах Руси"
в сагах о древних временах

Из всего обширного и разнообразного корпуса древнескандинавских источников только саги содержат информацию о русских правителях. Было отмечено (Джаксон Т.Н. Древняя Русь в скандинавских письменных источниках IX-XIV вв. М., 1995. С. 31), что наиболее подробно в них освещен ранний период существования Древнерусского государства и, в частности, правления Владимира Святославича и Ярослава Мудрого, отличавшиеся прочными и разнообразными связями Руси и Скандинавии. О начальном периоде нашей истории древнескандинавский автор имел в своем распоряжении (также как и русский летописец) только легендарную информацию, распространявшуюся в устной традиции и дошедшую до времени записи в переработанной в процессе бытования форме. Эти данные имеют в значительной мере генерализированный характер и могут свидетельствовать, главным образом, о тенденциях, направлениях отношений между Русью и народами Скандинавии, хотя и не исключена возможность сохранения в близкой к первоначальной форме устных преданий, получивших по ряду причин широкую популярность.

Информация саг о древних временах о правителях Руси до настоящего времени в полном объеме еще не исследовалась, что связано с малой изученностью данного вида источников в историографии. Обширность и разнообразие свидетельств о "конунгах Руси" заслуживает пристального внимания. Саги о древних временах рассказывают о событиях ранней истории, главным образом, конца IX в., а в ряде произведений по - XI в. Русь обозначена в этих текстах несколькими терминами: Гарды (Gardar), Гардарики (Gardaríki), Руссия (Russia). Для анализа привлекаются также упоминания о конунгах Аустрвега (Austrvegr), в связи с неопределенностью значения самого термина и включенностью в него Руси. Все князья в сагах названы словом "конунг" (konungr), которым в

древнеисландском языке обозначались как верховные, так и мелкие правители. Поименованные в сагах о древних временах персонажи лишь в малой своей части соотносимы с известными по русским летописям историческими деятелями. Имена многих "конунгов Руси" нам не знакомы. Таким образом, весь русский княжеский именослов саг о древних временах составляет две группы, условно обозначаемые мной а) историческими деятелями и б) легендарными конунгами.

Сведения встречаются в контексте двух типов: 1) в микроконтексте так называемых "точечных упоминаний", представляющих собой: информацию, включенную в генеалогические перечни; зачины произведений, определяющие историко-географический фон повествования; изолированные, не связанные с сюжетом упоминания; 2) в широком контексте, когда персонаж включен в сюжетно-образную систему произведения. Можно предварительно наметить и распределение сведений по типам контекстов. В первом используются исключительно упоминания об исторических деятелях; для второго более характерно привлечение легендарных персонажей, но несколько сюжетов построено вокруг имен реальных русских правителей.

Среди исторических деятелей преобладающее число упоминаний связано с Ярославом Мудрым, период правления которого характеризуется устойчивыми связями Руси со Скандинавией (Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 27). Имя Ярослава нередко поставлено в один ряд с норвежцем Эймундом, получившим, согласно сагам, в управление земли на Руси и возведенным скандинавскими авторами вследствие этого в ранг "конунга Руси".

В отличие от королевских саг, в сагах о древних временах имя Владимира Святославича не стало популярным. Лишь в одном произведении, "Сага о Тидреке Бернском", созданной в Норвегии в сер. XIII в., использованы сведения об этом русском князе, причем в сложном, контаминированном сюжете.

К числу уникальных свидетельств нужно отнести информацию "Саги о Стурлауге Трудолюбивом" (XIII в.) об Ингваре из

Гардов. Внутренняя хронология, восстанавливаемая для этого текста по совокупности датирующих элементов (Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996. С.188), позволяет отнести описываемые в саге события ко второй половине IX – началу X в. и связать имя Ингвара с Игорем, сыном Рюрика, великим князем киевским с 912 г., о котором рассказывается в начальной летописи. Согласно Повести временных лет, в раннем возрасте Игорь совершил вместе со своим родственником (или по другим летописным данным – воеводой) Олегом поход в Киев по пути “из варяг в греки”, исходным пунктом которого, очевидно, был Альдейгьборг (Ладога). Сага, как следует из текста, связывает Ингвара именно с Ладогой. А.А.Шахматов отмечал, что в городах Северной Руси были широко распространены предания о варяжских князьях (Шахматов А.А. 1908:312). Существование предания о пребывании Рюрика в Ладоге отмечал А.Н.Насонов (Насонов А.Н. 1951:79). А.Н.Кирпичников высказал мысль о том, что Ладога была “фамильным владением первых Рюриковичей” (Кирпичников А.Н. 1988:55). В Ладоге могли бытовать предания и об Игоре, не сохранившиеся в древнерусских памятниках, но нашедшие отражение в упоминании Ингвара из Гардов, сидящего в Ладоге, в “Саге о Стурлауге Трудлюбивом”.

Сведения о легендарных конунгах в значительной мере стереотипны. Почти все они связаны с сюжетами матримониальных связей и службы в войске русского князя. Генеалогическая информация, характеризующая начало династического правления или принадлежности к определенному роду, у легендарных конунгов не приводится. Все правители Руси здесь носят скандинавские имена (Radbardr, Dagr, Hergeirr, Hreggvidr, Sigtryggr и др.), широко распространенные в Норвегии, Исландии и Швеции в период раннего средневековья и не вошедшие в древнерусский княжеский именослов. При последовательном делении всех персонажей авторами саг на “своих” и “чужих” это может свидетельствовать только о том, что создатели саг о древних

временах считали легендарных "конунгов Руси" скандинавами.

В отечественной историографии по вопросу о происхождении правившей на Руси династии Рюриковичей сформировались две точки зрения: одни историки отстаивают их скандинавское происхождение, другие считают их балто-славянами. Доказывая справедливость своего взгляда на этническое происхождение первых русских князей, каждая из сторон в своей аргументации опирается в основном на свидетельства древнерусских летописей и подкрепляет их данными других вспомогательных дисциплин. Сторонники обеих теорий, таким образом, рассматривают вопрос с позиций, представляющих собой взгляд из Руси. Свидетельства саг о древних временах о "конунгах Руси", как мне представляется, позволяют определить, как решалась данная проблема современниками русского летописца, авторами древнескандинавских письменных памятников, т.е. посмотреть на эту проблему из Северной Европы, и дают дополнительные аргументы сторонникам норманского происхождения первых русских князей.

А.Р.Гуцун (Киев)

Структура древнерусского княжеского рода в домонгольский период

1. Структуру княжеского рода предлагается определять по генеалогическому, политическому и владельческому критериям. Исследование проведено на материалах Новгородской первой, Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской четвертой, Софийской первой, Радзивилловской, Воскресенской, Никоновской, Троицкой, Псковских летописей, Летописца Переяславля-Суздальского и Московского летописного свода конца XV в. Все нижеизложенное относится лишь к тем князьям, генеалогия которых известна с достаточной определенностью.

2. Княжеским кланом предлагается считать большую группу князей, объединенных общим, более близким, чем Владимир Святой, родоначальником и сходными политическими интересами.

К княжеским кланам можно отнести следующие (перечисленные в порядке генеалогического старшинства):

- I. Изяславичи полоцкие;
- II. Ярославичи;
- III. Давыдовичи черниговские и Ольговичи (с конца 1160-х гг. только Ольговичи);
- IV. Мономашичи (Мономаховичи);
- V. Мстиславичи.

Одни кланы входили в состав других, более крупных, – Мстиславичи принадлежали к Мономашичам; последние, наряду с черниговскими Давыдовичами и Ольговичами, относились к Ярославичам. Наиболее ярко клановость домонгольских Рюриковичей проявлялась в оппозиционных ситуациях: Ярославичи // Изяславичи полоцкие; Мономашичи // Ольговичи. Политическая клановость Мстиславичей не столь очевидна. Она проявлялась лишь в период борьбы сыновей основателя клана с младшими стриями–Мономашичами и с черниговскими князьями.

3. Земельной княжеской династией предлагается считать группу князей более близкого, чем от Владимира Святого, общего происхождения, в исключительном обладании представителей которой с определенного времени находилась одна из древнерусских земель. К земельным княжеским династиям можно отнести следующие, перечисленные в порядке генеалогического старшинства (за исключением Давыдовичей черниговских и Ольговичей, относительно старшинства которых между собой нет определенности):

- I. Изяславичи полоцкие;
- II. Ростиславичи галицкие (входили в клан Ярославичей);
- III. Рюриковичи турово-пинские (входили в клан Ярославичей);
- IV. Давыдовичи черниговские (входили в клан Ярославичей);
- V. Ольговичи (входили в клан Ярославичей);
- VI. Ярославичи мурома-рязанские (входили в клан Ярославичей);
- VII. Изяславичи волынские (входили в кланы

Мстиславичей, Мономашичей и Ярославичей);

VIII. Ростиславичи смоленские (входили в кланы Мстиславичей, Мономашичей и Ярославичей);

IX. Дрєвичи владими́ро-суздальские (входили в кланы Мономашичей и Ярославичей);

X. Давыдовичи городенские (входили в клан Ярославичей).

Иногда земельные династии совпадали с соответствующими кланами (Изяславичи полоцкие, Ольговичи). В целом, понятие "земельная династия" менее субъективно, чем понятие "клан" – настолько, насколько термин "земля" объективнее выражения "сходные политические интересы", хотя уточнения возможны и в земельно-династийной классификации. Например, неясно, можно ли говорить о единой муромо-рязанской династии с последней четверти XII в.? Хотя известие о пронском княжении Давида Дрєвича муромского вроде бы свидетельствует в пользу такого единства. Возможно, решение подобных проблем зависит от уточнения понятия "земля". До 1160-х гг. Черниговской землей совместно владели Давыдовичи черниговские и Ольговичи. Не всегда, думается, область княжения земельной династии являлась собственно "землей" (Давыдовичи-городенские). Некоторые земли в силу различных обстоятельств после утверждения в них соответствующих династий не всегда находились в их исключительном владении – Полоцкая в конце 1060-х – начале 1070-х, в конце 1120-х – начале 1130-х и, возможно, в начале 1230-х гг., Галицкая в конце XII в., Галицкая и Волынская в первой трети XIII в., Рязанская в начале XIII в., может быть, Черниговская в начале 1210-х гг., возможно, Смоленская в конце 1130-х гг. Иногда при княжении в главном городе земли представителя местной династии, в другом городе этой же земли мог сидеть представитель другой земельной династии (Курск середины 1140-х гг., Витебск середины – второй половины 1160-х гг.).

4. После Любечского съезда, когда принцип "лестви́чного восхождения" (даже если этот термин и является продуктом творчества позднейших книжников, он, думается, верно передает если не букву, то дух междукняжеских отношений;

хотя фрагментарность свидетельств источников такое представление обречено в лучшем случае на гипотетичность) был низведен с общерусского на земельный уровень, в общеродовом достоянии Рюриковичей к 1160-м гг. остались Киевская и Новгородская земли и Переяславское княжество. Но некоторые земельные династии, основателям которых по тем или иным причинам не удалось достичь общерусских столов, не имели права на это достояние. Такие династии можно назвать, используя терминологию Устава князя Всеволода, изгойскими. К ним относились преимущественно старшие в генеалогическом отношении династии: Изяславицы полоцкие, Ростиславицы галицкие, Юревичи турово-пинские, Ярославичи муromo-рязанские (последние подверглись двойному изгойству - из Киева, Новгорода, Переяслава и из Чернигова) и Давыдовичи городенские. Псковское княжение рязанского Юрия Игоревича - видимо, исключение, подтверждающее правило. Стержнем древнерусской политической жизни большей части XII - первой трети XIII вв. было, как представляется, противостояние черниговских князей попыткам Мономашичей превратить их в изгойскую династию.

5. К 1160-м гг. все древнерусские земли, кроме оставшихся для имевших на них право общеродовыми, обзавелись своими княжескими династиями. С 1170-х гг. практически все Рюриковичи принадлежали к той или иной земельной династии. Исключения составляли лишь действовавшие до начала XIII в. не принадлежавшие ни к одной из них сыновья и внуки Владимира Мстиславича Мачешича киевского из клана Мстиславичей; они сидели в Киевской и Новгородской землях. Их, наряду с ранними Рюриковичами, не входившими в состав земельных династий или бывшими их основателями, можно отнести к условной группе "Первые Рюриковичи, основатели местных земельных династий и внеземельно-династийные князья". Последним известным нам потомком Владимира Святого, не принадлежавшим по предложенной схеме ни к одному из княжеских кланов, был Судислав Владимирович псковский. После его смерти (1063 г.) были князья, не входившие ни в одну из

земельных династий, - но не было Рюриковичей, не принадлежавших хотя бы к одному из вышеперечисленных кланов.

6. В синхронных источниках (если исходить из того, что в основе дошедших до нас летописных сводов лежат сообщения, современные описываемым событиям) употребляются следующие родовые антропонимы:

Изяславы полоцкие - "Рогволожи внуци" (в широком значении, безотносительно к реальному родству с Рогволодом полоцким, отцом Рогнеды), "внуце Всеслави", "Всеславици" (как в узком - применительно к сыновьям и внукам Всеслава Брячиславича, так и в широком, безотносительно к реальному родству с ним, значениях).

Ростиславици галицкие - "Ростиславич", "Ростиславици" (только в узком смысле - применительно к сыновьям Ростислава Владимировича).

Дрьевичи турово-пинские - "Дрьевич", "Дургевич" (только в узком значении, применительно к сыновьям Дрия Ярославича).

Давыдовичи черниговские - "Давыдович", "Давыдовиць" (только в узком значении, применительно к сыновьям Давыда Святославича).

Ольговичи - "Ольгович", "Ольговиць", "сын Ольговъ", "Олговици" (в узком значении - применительно к сыновьям соответствующих черниговских Олегов), "Олгов възнукъ", "правнукъ Ольговъ" (в узком значении - применительно к внукам и правнукам Олега Святославича), "Олговици", "Олговицы", "внук Ольговъ", "Ольговъ внукъ", "Ольговы внуци", "Ольговы внучата" (в широком значении, безотносительно к действительному родству с основателем династии), "Ольгово племя", "племя Олгово", "Олгово княже племя", "князи Олговици".

Ярославици муromo-рязанские: "Ярославич", "сынове Ярославли" (только в узком значении, применительно к сыновьям Ярослава Святославича).

Изяславици волынские - "Изяславич", "Изяславиць", "Изяславль внук", "вънукъ Изяславль" (только в узком значении, применительно к сыновьям и внукам Изяслава

Мстиславича).

Ростиславичи смоленские – "Ростиславич", "Ростиславиць", "Ростиславицъ", "Ростиславици", "внуки Ростиславле" (в узком значении, применительно к сыновьям и внукам Ростислава Мстиславича), "внуци Ростиславли" (в широком значении, безотносительно к реальному родству с основателем династии).

Дрѣвичи владими́ро-сузда́льские: "Дрѣвич", "Горгевич", "Горгевичъ", "сынъ Дрѣвъ", "сынъ Горгевъ", "Дрѣвичи", "Дргевичи", "Горгевичи", "Дрѣвъ внукъ", "вънукъ Дрѣвъ", "Горгевъ вънукъ", "вънукъ Горгевъ" (только в узком значении, применительно к сыновьям и внукам Юрия Долгорукого и сыновьям Юрия Всеволодовича).

Давидовичи городенские – "Давидович", "Давидовичи" (только в узком значении, применительно к сыновьям Давида Игоревича), "Игорев внук", "Всеволодковичи" (применительно к внуку Игоря Ярославича и сыновьям Всеволодка Давыдовича).

Ярослаичи – "Ярославич", "сынъ Ярославль", "сынове Ярославлі" (в узком значении, применительно к сыновьям Ярослава Мудрого), "Ярославлі внуци", "внуци Ярославлі" (в широком значении, безотносительно к действительному родству с основателем клана).

Мономашичи (Мономаховичи) – "Володимеричъ", "Володимиричъ", "Володимирицъ", "Манамахов", "Маномаш", "внукъ Володимиря", "вънукъ Володимиръ", "Володимиръ вънукъ" (в узком значении, применительно к сыновьям и внукам Владимира Мономаха), "Володимиричи" (в широком значении, безотносительно к настоящему родству с основателем клана), "племя Володимера", "племя Володимеря", "Володимера племя", "Володимере племя".

Мстиславичи – "Мъстиславич", "Мъстиславиць", "Мстиславиць", "Мъстиславличъ", "Мъстиславицъ", "сынъ Мстиславль", "вънукъ Мстиславль", "вънукъ великого Мъстислава" (только в узком значении, применительно к сыновьям и внукам Мстислава Великого).

7. Иногда обозначения типа "полотьская княжьа", "князи

рязаньстии" и т.п. употреблялись, по-видимому, не в узком владельческом, а в расширительном – земельном – понимании. В некоторых случаях под определениями "полочань", "муромьци" и т.п. разумелись, надо полагать, помимо жителей (воинов) обозначенных земель, и возглавлявшие их соответствующие князья.

8. Структуру древнерусского княжеского рода можно далее детализировать, вычленив по генеалогическому и владельческому критериям в составе земельных династий отдельные княжеские линии. Например, друцкие Борисовичи, витебские Васильковичи и минские Глебовичи в составе полоцких Изяславичей; черниговские Всеволодичи и новгород-северские Святославичи в составе мурома-рязанских Ярославичей; владими́ро-волинские Мстиславичи (в свою очередь разделившиеся на владими́ро-волинских Романовичей и белзских Всеволодичей) и луцкие Ярославичи; Романовичи, Рюриковичи, Мстиславичи и Давыдовичи в составе смоленских Ростиславичей; ростово-ярославские Константиновичи в составе владими́ро-суздальских Юрьевичей.

Т. Н. Джаксон (Москва)

**"Сбор русской дани" в конце X в. в Эйтланде
по скандинавским источникам**

Изучая процессы сложения древнерусской государственности, В. Т. Пашуто большое внимание уделял проблемам вассалитета неславянских земель. Исследователь в частности подчеркивал, что "русские князья и бояре, опираясь на иноязычную знать, сохраняли в качестве основной формы эксплуатации земледельцев уже пройденный коренной Русью (хотя и живший в терминологии) сбор дани" (Пашуто 1965: 93).

В целом ряде древнескандинавских письменных памятников XII-XIII вв. ("Истории Норвегии", "Обзоре саг о норвежских конунгах", "Саге об Олаве Трыггвасоне" монаха Одда, "Хеймскрингле" Снорри Стурлусона, "Большой саге об Олаве

Троггвасоне") имеются сведения о сборе дани в Эйстланде представителем русского князя (Дзаксон 1993). Источники повествуют о том, как малолетнего Олава Троггвасона (будущего норвежского конунга) выкупает из плена в Эйстланде его дядя Сигурд Эйрикссон, находящийся на службе у конунга Вальдамара (Владимира Святославича) в Гардарики (на Руси) и приехавший в Эйстланд по поручению этого последнего. Мотив представлен в источниках с разной степенью полноты. Самые ранние из них ("История Норвегии" и "Обзор") лаконично сообщают, что Олав был выкуплен своим родичем, посланным "королем Руси" / "конунгом из Хольмгарда" в "Эйстланд" для сбора дани.

Хороним Eistland - "Эйстланд", "Земля эйстов" - служит обозначением некоей области в Восточной Прибалтике, совпадающей, как полагает большинство исследователей и переводчиков sag, с современной Эстонией (см., например: Metzenthin 1941: 19). Согласно исландским сагам, "Эйстланд" входит в число земель, составляющих Austrvegr ("Восточный путь"). Аналогично помещает "Эйстланд" и географический трактат второй половины XIII - начала XIV в. с условным названием "Какие земли лежат в мире": "Около Гардарики лежат такие земли: кирьялы, ревалы, Тавейсталанд, Вирланд, Эйстланд, Ливланд, Курланд, Эрмланд, Пулиналанд, Виндланд - самый западный перед Данией" (Мельникова 1986: 65). В приведенном перечне достаточно строго выдерживается характерный для исландских географических сочинений принцип перечисления земель и народов с востока на запад. Земля "эйстов" названа здесь вслед за "Вирландом" (Вирумаа в Северной Эстонии), но перед землями ливов и куршей, т.е., действительно, где-то в пределах современной Эстонии. Наиболее распространенным является мнение, что исходно "эстами/эйстами" германцы называли соседние с ними балтские племена, а со временем этноним был перенесен на часть прибалтийских финнов и послужил основой для современного наименования Эстонии (Браун 1889).

в исторической литературе утвердилось мнение, что Восточная Прибалтика издавна привлекала внимание Древнерусского государства, тем более что русский летописец начала XII в. среди народов, "иже дань дают Руси", называет *зимеголу, корсь, чюдь*, т.е. земгалов, куршей, эстов (ПСРЛ. М., 1962. Т. I. Стб. 12; Т. II. Стб. 8). Есть в русских источниках и свидетельства данничества в землях эстов в XI-XIII вв. (ПСРЛ. Т. II. Стб. 294; НПА. С. 22).

Известие скандинавских источников о поезде Сигурда Эйрикссона в Эйстланд может быть датировано 977/978 г. (подробнее: Джаксон 1993: 215-217). Тем самым оно представляет собой самое раннее свидетельство сбора дани для русского князя в Восточной Прибалтике и как таковое фигурирует в историографии (ср.: Джаксон 1981).

В противовес сложившемуся в историографии взгляду, Т.Нунан утверждает, что эстская чюдь не была подалаэстна Руси в период с 850 по 1015 г. Проведенный им анализ источников показывает, что эсты поставляли вооруженные отряды в войско русского князя, но не платили при этом дани. Известие "Круга земного" о сборе дани Сигурдом в Эйстланде Нунан рассматривает в контексте происходивших в то время на Руси событий. Поскольку Снорри говорит о Хольмгарде (Новгороде), то Нунан определяет возможные годы службы Сигурда у князя Владимира как 970 - ок. 977 (от того момента, когда Святослав посадил Владимира в Новгороде, до его изгнания его братом Ярополком) и какое-то время в 980 г., когда Владимир вернул себе Новгород, но еще не выступил против Полоцка и Киева и не стал великим князем киевским. Однако в эти годы, полагает Нунан, все интересы Владимира были сосредоточены на борьбе с братьями и захвате Киева. Он не стал бы предпринимать попыток подчинения чуди, когда ему была нужна их военная помощь. Более того, русские источники, относящиеся к названным годам, даже не намекают на сбор эстской дани (Noonan 1972: 17-18).

Аргументация Нунана вполне убедительна. Действительно, записанные в Исландии в XIII в. сведения саг о сборе в конце

Х в. эстской дани противоречат русским источникам и исторической логике, а следовательно, содержащаяся в них информация не следует рассматривать как фактическую.

Но текст требует своей интерпретации, и потому описанное Снорри Стурлусоном пребывание Сигурда в Эйстланде Нунан трактуется как попытку набрать там войска в помощь Владимиру, а не как сбор дани в пользу русского князя. Итак, соглашаясь с хронологией саги, но полагая, что миссия Сигурда в Эйстланде была иной, нежели она представлена в источниках, Нунан отказывает сагам в верности конкретных деталей.

Мне представляется крайне сомнительным, чтобы в Исландии XIII-в. знали и помнили, что в Х в. русский князь нуждался в эстском войске. Информация могла бы быть в большей степени достойной доверия, если бы она была связана с более "надежным" персонажем, чем Сигурд Эйрикссон. Во-первых, сам факт его службы при дворе Владимира Святославича достоверно не доказан – нет ни скальдических строф, ни каких-либо иных источников, одновременных этим событиям. Во-вторых, место Сигурда при дворе русского князя и отношение конунга Вальдамара к нему изображены в соответствии со стереотипом, выявляемым в сагах при описании знатных норвежцев (конунгов, ярлов, хёвдингов) за пределами Скандинавии: как правило, в этих случаях повествование подчинено задаче возвеличения скандинавского вождя (Джаксон 1991: 70–79). Если "Круг земной" и "Большая сага" довольствуются указанием, что Сигурд имел большой почет от Вальдамара, то в саге Одда имеется ряд уточнений, опущенных Снорри. В частности, редакция А сообщает, что Сигурд получил от конунга "большие владения и большой лен", что ему поручено "вести дела конунга и собирать дань конунга по всем областям", а также что "его повеления должны были иметь силу во всем государстве конунга". Редакция S добавляет к этому, что Сигурд должен был вести суд конунга, а кроме того, при сборе дани с областей "решать, что каждая должна платить". Похоже, что объем власти, который имел Сигурд на Руси, преувеличен сагой.

Исследователями саг неоднократно отмечалось, что разрыв во времени между событием и его фиксацией нередко проявляется в том, что авторы саг как бы "опрокидывают" явления позднего времени в более ранний период, изображая, по формулировке Х.Кута, людей более древней эпохи в костюмах и с оружием XII-XIII вв. (Koht 1913). Вполне вероятно, особенно в сопоставлении с летописными данными, что в рассматриваемом нами сюжете о сборе дани в скандинавских письменных памятниках конца XII - XIII в. отразились события не X в., а времени их записи.

Итак, признавая, вслед за Нунаном, недостоверность прямой информации, содержащейся в описании скандинавскими источниками поездки Сигурда в Эйстланд, я склонна все же считать, что в них нашла отражение вполне конкретная обобщенная информация: привлечение скандинавов на раннем этапе русско-скандинавских отношений в аппарат государственного управления Древней Руси, в том числе в качестве сборщиков дани на окраинах государства, а также вассальная зависимость в XII-XIII вв. эстских земель от русского князя.

* * *

Браун Ф.А. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1889. Т. I: Готы и их соседи до V в. Первый период: готы на Висле.

Дяксон Т.Н. Исландские королевские саги как источник по истории народов Восточной Прибалтики (VII-XII вв.) // Летописи и хроники, 1980 г. М., 1981. С. 27-42.

Дяксон Т.Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X-XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1988-1989 гг. М., 1991. С. 5-169.

Дяксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.): (тексты, перевод, комментарий). М., 1993.

Нельникова Е.А. Древнескандинавские географические

сочинения: (тексты, перевод, комментарий). М., 1986.

Пашуто В.Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 77-127.

Koht H. Sagaenes opfatning av vår gamle historie // (N)HT. 1913. R. 5. B. 2. S. 379-397.

Metzenthin E.M. Die Länder- und Völkernamen im altisländischen Schrifttum. Pennsylvania, 1941.

Noonan T.S. The Nature of Medieval Russian-Estonian Relations, 850-1015 // Baltic History. Columbus, Ohio, 1972. P. 13-20.

С.В.Завадская (Москва)

Термин "болярин"

в переводных памятниках древнерусского периода

Изучение социальной лексики древнерусского периода значительно активизировалось в последние годы. Появились работы по древнерусской дружине, этнокультурной истории Руси, в которых авторы приходят к новым обобщениям на базе источниковых разысканий и историографических концепций. Вместе с тем остается вне поля зрения научных исследований группа памятников переводной письменности, которая дает важный материал для характеристики древнерусской истории.

Термин "болярин" упоминается в "Изборнике" Святослава 1076 г., но сам текст не относится к оригинальным древнерусским статьям этого памятника. Термин встречается в "Премудрости Иисуса сына Сирахова", которая, в сравнении с греческими оригиналами, вошла в Изборник в виде выборки отдельных глав и стихов. "Премудрость Иисуса" - деверо-канонический сборник изречений, восходящий к ветхозаветной традиции, переведен, вероятно, на Руси. Автору переводных статей в Изборнике 1076 г. была свойственна тенденция к "обмирщению" церковных по содержанию текстов (Н.А.Мещерский). Термин присутствует в двух изречениях и соответствует

греческому *μεγιστάρ*. Это же греческое слово четырежды передано в "Премудрости Иисуса" термином "вельможи".

"Поучение о посте в неделю I-ю поста" сохранилось в сборнике поучений типа "Златоуст". В нем находим описание общественной иерархии, соответствующей христианским понятиям: "рече блаженный апостол... како же бо цесарь боля есть князь, а князь - воеводы, а воевода - болярина, а боляринъ - сотника, а сотник - пѣтъдесѣтника, а пѣтъдесѣтникъ - слуги". Эта картина общественного соподчинения была весьма популярна как в XI - начале XII в., к которому относится "Поучение о посте", так и в дальнейшем, поскольку дословно текст повторяется в "Златой цепи", памятнике XIII в.

Не менее интересную схему "общественного представительства" дает нам "Житие Варлаама и Иосафа", один из самых распространенных памятников в мировой средневековой литературе. Его древнерусский перевод с греческого был, видимо, осуществлен во второй половине XI или начале XII в. (Лебедева И.Н.). Этот перевод вошел отдельными частями, и прежде всего притчами, в состав русской редакции "Пролога". Иосааф "повелъ созвати всѣ боляры и советники, и препоясанныя воинством, и от градскихъ людей не мало, и съѣдъ по обычаю на слушъ, всемъ речъ..." Если вспомнить, что сюжет "общественного представительства" дает нам Остромирово евангелие 1057 г. и ветхозаветные законы Моисея, вошедшие в Палею, то выявится тот значительный круг источников литературного свойства, которые были в поле зрения составителей летописных сводов и всего древнерусского общества. Весьма показательно самостоятельное выделение "боляр" и тех, кто "препоясан воинством".

Если следовать гипотезе исследователей, которые утверждают, что "боляре" являются с самого раннего периода "старшей дружиной" князя, то интерпретация переведенных древнерусскими книжниками текстов вызывает много вопросов. В Изборнике 1076 г. "боляре" и "вельможи" соответствуют одному и тому же греческому термину. "Боляре" в "Поучении о посте"

в социальной лестнице поставлены ниже "воевод". "Бояре" в "препоясанные воинством" "Жития Варлаама и Иосаафа" явно не объединены в одну группу. Однако в этом же Житии встречается еще одна интересная фраза: "единъ от болѣрь цесаревыхъ воевода сын саномъ".

Вероятно, во время перевода текстов все упомянутые случаи использования термина "боляре" могли быть осмыслены через термины "сановники", "вельможи" с предельно широким значением, вкладываемым в последние. Гипотеза о том, что термин "болярин" никогда не прилагался к неслужилой знати, весьма неубедительна.

Т. М. Калинина (Москва)

Арабо-персидские географы о взаимоотношении русов и славян

Материалы о политических взаимоотношениях русов и славян встречаются в ряде сочинений арабо-персидских географов, восходящих к так называемой "Анонимной записке" о народах Восточной Европы (не сохранившейся), составленной в конце IX - нач. X в. Данные о жизни русов на острове, окруженном водой, об их набегах на славян и подчинения славян - русам, о неземледельческом характере хозяйства русов и предпочтении ими торговой деятельности и "разбоя" в той или иной степени полноты сохранились в трудах Ибн Русте, Мутаххара ибн Тахира ал-Мукаддаси, "Худуд ал-Алам", Шараф аз-Замана Тахира ал-Марвази, Гардизи, ал-Бакри и более поздних. Кроме "Анонимной записки", русов как купцов и воинов представляют Ибн Хордадбех, ал-Истахри, Ибн Хаукал, Ибн Фадлан, ал-Масуди, Ибн Мискавайх и др. Из них Ибн Хордадбех и Ибн Фадлан знают русов только как купцов, Ибн Мискавайх - как воинов, совершивших большой поход в Закавказье в 944 г., ал-Масуди - как и тех, и других.

Истахри и Ибн Хаукал (частично компилировавший первого) отмечают, в отличие от других авторов, что "ар-рус, ал-хазар

и ас-сарир – это имя для государства, не города и народа". Упоминая другие народности Восточной Европы, эти ученые подчеркивают не раз "принадлежность" имени того или иного народа: так, имя хазар они считают принадлежащим еще и "климату"; имя буртас – "стороне". Впрочем, сами эти авторы применяют все указанные "имена", включая "рус", и как этнические, – хотя бы в известном фрагменте о "трех видах русов", где русы предстают как воины и торговцы.

Ал-Марвази и Ибн Мискавайх используют в качестве этнонима прилагательное от слова "рус", т.е. "русийа" (русский?). По-видимому, в некоторых случаях иноземцы понимали слово "рус" скорее в значении общегосударственном, чем этничном.

Правителя острова русов "Анонимная записка" именует хаканом. Как показали исследования, присвоение этого титула имело важное значение для главы общества, поставившего себя таким образом наравне с главой Хазарского каганата. Тем не менее восточные источники не акцентируют внимания на международной роли главы русов, который, по их сведениям, лишь берет с купцов десятину и имеет судебную власть над подданными. "Анонимная записка" и рассказ Ибн Фадлана о похоронах руса отмечают значительную роль жречества, связанного с верховной властью и обладающего некоторыми привилегиями по сравнению с ней.

Свобода от занятий ремеслом и хозяйством, получение жизненных благ от другого слоя населения, относительная устроенность жизни, чистота одежды – вся совокупность данных "Анонимной записки" о русах указывает на высший слой общества, участвующий в военной и политической деятельности. Выделение арабскими авторами информации о слое населения, связанного с военными походами, свидетельствует об обособлении военной аристократии – княжеской и дружинной верхушки, известной и по древнерусским памятникам.

"Анонимная записка", по-видимому, содержит информацию не только о восточных славянах, а ал-Масуди рассказывает о западных славянах и не имеет сведений о политических связях

славян и русов. В то же время часть сведений "Анонимной записки" прямо характеризует отношения между русами и восточными славянами. В сообщениях о набегах русов на славян и обращении славян в рабство можно видеть хорошо знакомый по древнерусским источникам процесс окняжения славянских территорий. Дань в качестве поборов с побежденных славянских племен находит отражение в сообщениях о том, что русы взимают содержание и полезные для себя предметы со славян. Возможно, что речь идет о полюдье – поездках княжеских дружинников в подвластные земли для взимания дани и кормления там за счет населения до той поры, пока не будет взыскана дань.

Арабские авторы не дают материалов о том, было ли определено количество содержания для русов. По летописям известно, что попытку установить регламентацию дани с подвластных территорий сделала княгиня Ольга в сер. X в. Учитывая, что известия "Анонимной записки" относятся, вероятнее всего, к концу IX в., можно предположить отголоски информации о полюдье как одном из основных средств существования верховной власти – князей и княжеских дружинников. Эти сведения, а также известия о военной и торговой деятельности русов, данные о походах на славян, полоне их, службе славян у русов, сборе дани со славян, возможно, подтверждают отсутствие княжеского землевладения на Руси в конце IX – нач. X в. и весьма большую, а возможно, и единственную роль дани как наиболее ранней формы эксплуатации верховной государственной властью подчиненного населения. Кстати, "Анонимная записка" делает некоторый акцент на роли дани (полюдья?) как способе подчинения еще не вполне покоренного населения. По-видимому, восточные источники подтверждают факт существования ряда племенных княжений, которые имеют тенденции к превращению в более крупное государственное образование. Такого рода общество описано под именем острова русов "Анонимной записки" и сообщений других авторов о военной и торговой деятельности русов.

Отдельно от сообщений о русах авторы "Анонимной записки" рисуют общество славян, которым руководит "глава глав" (раис-ар-руаса), пользующийся правом сбора дани со своих подданных и правом наказания преступников; власть "главы глав" освящена до известной степени религией. Возможно, не случайно для определения титула главы славянского общества выбран указанный термин. У арабов титул "раис" (т.е. глава) обозначал обычно лицо, избираемое верховной администрацией из числа местных семей на роль посредника между верховной властью и местным населением. "Раисы" в применении к славянскому обществу конца IX - нач. X в. обозначали, вероятнее всего, главу общества знатного рода: не правителей Руси, а "великих и светлых князей", "всякое князье", т.е. племенных вождей, правителей, правивших определенной территорией до момента захвата ее представителями великокняжеской династии. Из разных древнерусских источников известны имена некоторых из них: полянский Кий, новгородский Бравлин, вятичский Ходота и т.д.

Краткая библиография:

1. Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.
2. Бартольд В.В. Арабские известия о русах // Соч. М., 1963. Т. II. Ч. 1.
3. Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. Wrocław etc., 1977. Т. II. Cz. 1; idem. S-w-nt-b-lk arabskiej "Relacji anonimowej" (2 połowa IX w.) // Liber J. Kostrzewski octogenario et veneratoribus dicatus. Wrocław etc., 1968.
4. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. II.
5. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; Его же. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4; Его же. Арабские источники об общественном строе

восточных славян IX – первой пол. X в. (полюдь) // Социально-экономическое развитие России. М., 1986.

И.Г. Коновалова (Москва)

Русы в северо-восточном Причерноморье и Приазовье
(по данным арабских источников)

То, что в ономастике Приазовья и Крыма еще со времен раннего средневековья существовали названия с корнем *рос* (араб. *рус*), отмечали многие исследователи, начиная с И.И. Срезневского [обширная историография обобщена в работе О.Н. Трубачева "К истокам Руси (наблюдения лингвиста)". М., 1993]. Отдельные известия средневековых арабских авторов, сообщавших о топонимах, гидронимах или этнонимах такого рода, рассматривались в литературе, однако до сих пор не делалось попыток анализа всей арабской традиции подобных упоминаний. Такой анализ, по нашему мнению, должен быть предпринят с тем, чтобы исключить изолированное использование сообщений того или иного арабского писателя, ведущее зачастую к неадекватной трактовке приводимой им информации.

Упоминания о русах (локализуемых где-то к северу от Кавказа) в рассказах арабо-персидских авторов о событиях VI в. на Кавказе не вызывают доверия у исследователей, ибо эти сообщения находятся только в источниках XI–XV вв., далеко отстоящих от описываемых событий. Неоднозначные оценки в историографии – от полного неприятия до признания в качестве достоверного известия – даются сообщению автора X в. Балами, который в своем переводе "Истории" ат-Табари под 643 г. приводит слова правителя Дербента Шахрийара о том, что ему приходится противостоять нападениям русов.

Первые безусловно достоверные данные о русах приводит Ибн Хордадбек (вторая пол. IX в.), сообщающий о путях купцов-русов. По словам Ибн Хордадбека, торговые пути русов вели из страны славян к Румийскому морю, отождествляемому

исследователями с Черным морем. Сведения Ибн Хордадбека позволяют утверждать, что торговая деятельность купцов-русов в районе Причерноморья сосредоточивалась в северо-восточной части Черного моря, включая бассейн Азовского. Оттуда купцы поднимались по Дону до Переволоки, а затем, спускаясь вниз по Волге, попадали в Каспийское море и далее следовали в Багдад.

В сочинениях арабского энциклопедиста и путешественника X в. ал-Масуди также имеются данные об использовании русами пути по рекам Дону и Волге, связывавшем Азовское и Каспийское моря. Азовское море ал-Масуди называет морем русов, которые, по его словам, обосновались на одном из азовских берегов и обладали монопольным правом на плавание по этому морю. Несколько раз ал-Масуди называет и Черное море морем русов. Сообщения ал-Масуди о русах очень ценны, так как информацию о них писатель черпал не только в книгах, но и непосредственно в тех районах, где о русах знали не понаслышке – в частности, в Южном Прикаспье, где ал-Масуди побывал лично. Отметим, что сведения ал-Масуди о поселениях русов на Азовском море датируются первой половиной X в., то есть временем до похода Святослава на Хазарию.

В середине XII в. данные о причерноморских названиях с корнем *рус* появляются в сочинениях арабского географа ал-Идриси, работавшего над своим трудом на Сицилии и использовавшего много современных ему сведений от итальянских и византийских мореплавателей, в том числе и о Черном море. В качестве важных навигационных объектов в районе северо-восточного Причерноморья ал-Идриси называет город Русийа (локализуемый в Керчи) и реку Русийа, нижнее течение которой совпадает с Керченским проливом, Азовским морем и нижним Доном.

Еще один автор, живший в западных областях Халифата, испано-арабский географ XIII в. Ибн Саид, сообщает важные данные по рассматриваемому вопросу. Он пишет, что русам принадлежало множество городов на Черном и Азовском морях; в Азовском море, по его словам, русы владели несколькими

островами, а само море называлось морем русов. Столицей русов являлся город Русийа, точное местонахождение которого не вполне ясно из текста Ибн Саида, но в районе Приазовья его можно локализовать вполне уверенно. Сообщение Ибн Саида о русах, как видно, имеет сложный состав. С одной стороны, оно является реминисценцией рассказа ранних арабских писателей об острове русов, обращение к которому могло быть спровоцировано дошедшими до Ибн Саида в передаче мореплавателей многочисленными топонимами с корнем *рос*, зафиксированными в Крыму и Приазовье на итальянских средневековых картах, начиная с XIII в. С другой стороны, указание на столицу русов город Русийа, скорее всего, представляет собой интерпретацию сведений ал-Идриси об одноименном пункте. Наконец, Ибн Саид указывает на христианское вероисповедание русов, подчеркивая, что эти данные являются современными ему.

Сообщение Ибн Саида в сокращенном виде повторяют сирийские ученые первой трети XIV в. Абу-л-Фида и ад-Димашки (последний называет число принадлежавших русам островов – семь).

Таким образом, сведения арабских источников о названиях с корнем *рус* показывают, что в арабской историографии, по крайней мере с первой половины X в. существовала устойчивая традиция помещения поселений русов в Приазовье и Восточном Крыму.

Н.Ф.Котляр (Киев)

Ярославов ряд 1054 г.: политические перспективы и последствия

Историки по-разному толкуют смысл и значение ряда Ярослава, вписанного в ПВЛ под 1054 г. Призвав сыновей к братской любви, князь далее молявил: "Се же поручаю в собе место стоя старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киев; сего послушайте, якоже послушаете мене, да той вы

будет в мене место". Святославу отдавался Чернигов, Всеволоду - Переяславль, Игорю - Владимир, а Вячеславу - Смоленск. Ярослав запретил детям посягать на земли братьев и поручил Изяславу опекать их.

Перед нами текст безусловно литературного происхождения. В частности, как показала С. Франклин, в ряде использовано заимствование из 28 вопрошания Анастасия Синаита через посредство текста, близкого к "Изборнику" 1073 г. Речь идет о теме богоустановленности и нерушимости разделения земель между братьями, нерушимости "братского хребия". Позднейшие летописи (Авраамки, Тверская и др.) конкретизируют раздел Руси между Ярославичами. Однако исторические реалии ряда 1054 г. не могут быть поставлены под сомнение.

Громадному научному авторитету А. Е. Преснякова наука в большой степени обязана распространенным мнением, будто бы заведение Ярослава не было обращено в будущее, а отразило существовавшие тогда родо-патриархальные отношения в княжеском семействе и стране. Ряд не установил ни порядка преемственности во владениях волостями, ни порядка старейшинства в роде Рюриковичей. Вместе с тем, отдельные историки замечали, что заведение Ярослава определенным образом повлияло на складывание политической и феодально-иерархической структуры общества и государства.

Спорным остается вопрос о возникновении феодально-иерархической структуры общества, в частности системы сюзеренитета-вассалитета на Руси. С. В. Душков считал, что последняя существовала еще в IX и X вв. Некоторые современные исследователи (например, А. П. Толочко) полагают, что эта система установилась в годы княжения Всеволода Ярославича. Л. В. Черепнин утверждал, что ряд основывался на началах иерархии и что базой союза между Ярославичами должны были служить принципы сюзеренитета-вассалитета. Однако вопрос о времени появления этих институтов он оставил открытым, а, рассматривая феодально-иерархическую структуру государства, построил анализ на сведениях летописи, начиная с середины XII в.

На мой взгляд, иерархические отношения между князьями, а далее в среде господствующего класса, прямо вытекали из Ярославова ряда. Система сюзеренитета-вассалитета не только связана с порядком замещения столов на заложенных в ряде началах родового старейшинства, но и рождена, полагаю, этими началами. Ведь наделение Всеволодом племянников волостями, о которых красочно рассказывает летопись под 1093 г., основывалось на каком-то правовом документе, вероятнее всего, на ряде 1054 г.

Даже в отраженном в ПВЛ обобщенном и неполном виде ряд оставляет впечатление, что Ярослав предусматривал последующую передачу Киева старшему в роде — от брата к брату, т.е. по порядку родового старейшинства. Впервые, кажется, это отмечено В.О.Ключевским. Такое мнение подкрепляется свидетельством ПВЛ под 1093 г. Перед смертью Ярослав призвал к себе любимого сына Всеволода и молвил ему: *"Сыну мой! Благо тебе, яко слышу о тебе кротость, и радуюся, яко ты покоиши старость мою. Аще ти подасть Бог принять власть стола моего по братии своей, с правдою, а не с насильем* (выделено мной — Н.К.), то егда Бог отведеть тя от житья сего, да ляжешь, иде же аз лягу, у гроба моего". Приведенные слова летописи наводят на мысль, что именно Ярослав узаконил передачу власти от старшего брата к следующему по рождению и что этот порядок он считал естественным и единственно законным.

В теоретическом плане передача власти по родовому старейшинству берет начало в родо-племенном обществе. Так могло быть и в восточнославянской среде времен генезиса государственности. Но источники не дают оснований для подобного утверждения. В практику же Рюриковичей до княжения Ярослава родовое старейшинство просто не могло войти: Олег, Игорь и Святослав, если исходить из летописных рассказов, не имели братьев (правда, в договоре с греками 944 г. названы племянники, "неги" Игоревы, но, скорее всего, то были дети его сестер, "сестричи", — ведь детей братьев называли во всех случаях "сыновцами"); братья Владимира Ярополк и Олег

погибли в борьбе за киевский стол; то же произошло почти со всеми братьями Ярослава.

Итак, ряд 1054 г. основал систему сизеренитета-вассалитета и установил порядок замещения столов по родовому старейшинству. Иное дело, что оба эти принципа не были в полной мере проведены в жизнь. Ярославичи не подчинились завещанию отца. Имея в виду триумвират (1054-1073 гг.) трех старших Ярославичей, междоусобицеские войны второй половины XI в., приведшие к провозглашению на Любечском съезде 1097 г. "отчинного" порядка владения землями, которого, впрочем, в дальнейшем не всегда придерживались. Заложенные в ряде Ярослава перспективы упрочения феодально-иерархического, основанного на родовом старейшинстве общества остались не реализованными.

С. И. Каштанов (Москва)

**К вопросу о происхождении
текста русско-византийских договоров X в.
в составе Повести временных лет**

В летописном тексте договоров Руси с Византией 911, 944 и 971 гг. общим для всех трех актов местом являются первые пять слов: "Равно другаго свещания, бывшаго при...". Слово "равно" большинство исследователей считает переводом греческого слова τὸ ἴσον (список, копия). Судя по материалам книги Ф. Дальгера и И. Караяннопулоса, посвященной византийской дипломатике, выражение "τὸ ἴσον τοῦ..." было начальной частью заголовков копий, делавшихся в Византии для получателей грамот ("Empfängerkopien"). Такие копии могли быть официальными или частными - "получательскими" в собственном смысле слова ("die eigentlich Empfängerkopien"). Официальные копии для получателей составлялись представителями светской власти или епископата, а "получательские" в собственном смысле слова - какими угодно светскими или церковными чинами. Епископы и митрополиты

любили делать сборники копий. В официальных копиях для получателей после заголовка шел непосредственно "текст", а за ним эсхатокол. Затем могло быть помещено упоминание о цесарской печати. В собственно "получательских" копиях после всего текста делались пометки о том, что в оригинале имелась божественная цесарская подпись, выполненная красными буквами: "εἶχε δὲ καὶ ταῦτα δι' ἐρωδίου γραμματίου τῆς βασιλικῆς καὶ θείας χειρός".

В отличие от копий для получателей (официальных и собственно "получательских"), канцелярские копии полностью передавали весь текст оригинала и не предварялись заголовком. Они писались канцелярским почерком, содержали вставные красные слова и *Legimus*, как в оригинале. Эти копии не имели только императорской подписи, которая превращала бы их в оригиналы, и золотой печати. Вместо золотой печати к канцелярским копиям нередко привешивалась на шелковом шнурке свицовая печать, имевшая те же изображения и надпись, что и золотая печать оригинала. В отдельных копиях опускался начальный протокол. Дальгер отметил также различия в конечном протоколе оригиналов и канцелярских копий: если в оригинале числа индикта, десятков и единиц года от Сотворения Мира передавались словами и писались красными чернилами, то в копиях вся дата года, а начиная с Никифора III Вотаниата (1078-1081 гг.) и число индикта писались греческими буквенными цифрами и черными чернилами (Dölger F., Karayannopoulos J. *Byzantinische Urkundenlehre*. München, 1968. 1. Abschnitt. S. 131-133).

Таким образом, судя по словам "Равно другого свещания", перед нами перевод неканцелярских копий грамот 911, 944 и 971 гг. Одинаковость начальной части всех трех договоров может свидетельствовать об одновременности копирования греческих текстов по какому-то определенному плану. Время создания тех копий, которые дошли до нас в русских переводах, поддается уточнению. *Terminus ad quem* - 1110-1112 гг., когда переводы попадают в Повесть временных лет. Правда, В.М.Истрин не соглашался с мнением А.А.Шахматова о

возникновении первоначальных переводов под пером Нестора: "...я отнес бы их появление к концу первой половины XI в. и приписал бы их тому же переводческому кружку русских книжников, который образовался вокруг Ярослава во второй период его княжения" (Истрин В. Договоры русских с греками X века // ИОРЯС. 1924. Л., 1925. Т. 29. С. 391). Более прав был, кажется, Шахматов, не включивший текст договоров в состав реконструируемого им Начального свода 1093-1095 гг.

Terminus a quo греческих копий, с которых делался перевод для Повести временных лет, менее определен, чем их *terminus ad quem*. Вероятно, они были созданы не ранее последней четверти XI в. Из русских переводов видно, что греческие тексты имели признаки копирования с канцелярских копий эпохи Никифора III Вотаниата или Алексея I Комнина (1081-1118 гг.): числа года и индикта выражены в них не словами, а буквенными цифрами. Обозначение индиктов цифрами в канцелярских копиях стало практикой, как уже говорилось, начиная с царствования Никифора Вотаниата. Не исключено, что греческие тексты копировались в форме подборки или сборника (*χορτοχίον*) с какого-то регистра канцелярии конца XI в. и, может быть, с привлечением для сверки также оригинальных договорных грамот (если они к этому времени сохранились).

Весьма интересно наличие в заголовках всех трех договоров слова "другаго". Н.А.Лавровский, а вслед за ним А.А.Шахматов и Д.С.Лихачев считали, что переводчик ошибся, приняв стоявшее якобы в греческом тексте "τοῦ ἑταίρου" ("дружественного") за "τοῦ ἑτέρου" ("другаго"). Но, во-первых, чтение "другаго" упорно повторяется из договора в договор. Если бы это была ошибка, летописец, может быть, заметил бы ее на каком-то этапе работы. Во-вторых, мне представляется, что заголовок потерял бы свой смысл, если бы там вместо "другаго" стояло "дружественного". Слово "дружественного", будь оно в греческом заголовке вместо "другаго", требовало бы указания обоих контрагентов сделки: "Копия дружественного (с кем?) договора...". Вместе с тем после слова "при" в заголовках грамот 911 и 944 гг.

указывается только одна из договаривающихся сторон; в грамоте 971 г. упоминается, правда, кроме Святослава и Свенельда, византийский посол, но в составе другого оборота: "писано при".

Выражение "τοῦ ἑτέρου" ("другого") может объясняться тем, что на базе регистра канцелярии составлялась целая подборка копий, своего рода копияная книга. Каждая последующая копия отделялась от предыдущей заголовком, в котором говорилось, что далее следует копия другого договора. Это была логика переписчика, создателя копияной книги. То же и подобные выражения встречаются в копияных книгах греческих монастырей, например, Патмосского.

Копияный сборник по материалам регистра канцелярии мог создать кто-либо из церковных иерархов, отправлявшихся из Константинополя на Русь в качестве митрополита. Для такого деятеля было важно иметь при себе материал, свидетельствующий о тесных политических связях Византии и Руси. Поскольку договоры еще отсутствовали в Начальном своде, но уже появились в Повести временных лет, естественнее всего приписать составление копияного сборника митрополиту Никифору I, прибывшему в Киев 6 декабря 1104 г. и умершему в апреле 1121 г. Этот митрополит известен своей литературной деятельностью, распространением культа Феодосия Печерского и антилатинской пропагандой. В своем написанном по-гречески послании Владимиру Мономаху о латинянах Никифор стремится предостеречь князя от союзов с католическими державами (подробнее см.: Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 82-83). Доказательство благотворности русско-византийского альянса, вероятно, занимало Никифора еще до отъезда его из Константинополя. В этих целях он мог составить сборник русско-византийских договоров накануне своего отправления на Русь. Византийские власти не мешали, наверное, осуществлению столь полезного для них предприятия. Сборник Никифора был, возможно, более широким по составу, чем это можно предположить на основании текстов трех договоров.

Дреговичи в X - начале XIII века

1. Самое раннее сведение о восточнославянском племени дреговичей сохранилось в написанном в 50-е гг. X в. трактате "Об управлении империей" византийского императора Константина Багрянородного. В этом сочинении сообщается о сборе жившими в Киеве росами полюдья с "верманов, другувитов, хривичей, севериев и прочих славян". Другувиты (δρουγουίται) комментаторами трактата принимаются за дреговичей, очевидно, по созвучию названий.

2. В древнерусских источниках сведения о дреговичах датируются XII в. В географическом и этнографическом введении к "Повести временных лет" дреговичи упоминаются среди других восточнославянских племен, причем указывается, что они "седоша междь Припетью и Двином". Под 1116 г. сообщается о месте киевского князя Владимира Мономаха мнискому князю Глебу Всеславичу, который "воевалъ Дръговичи и Случескъ пожегъ и не каявется о семъ". В более позднем киевском летописании середины XII в. под 1149 г. отмечается, что "Слоучаскъ и Кльчъскъ и вси Дреговичъ" перешли под власть новгород-северского князя Святослава Ольговича.

Весьма лапидарные свидетельства о дреговичах письменных источников дополняются археологическими материалами, полученными наукой в XIX-XII вв. Исследования захоронений восточных славян в курганах показали, что этноопределяющим признаком дреговичей служат покрытые зернью крупные металлические бусы и, отчасти, перстнеобразные полутораоборотные височные кольца. Погребения с такими украшениями на востоке ограничиваются Днепром, на юге - правобережьем Припяти, на западе - болотистыми пространствами, выходящими к среднему течению Западного Буга, на севере - бассейнами верхних течений Немана и Березины. Вопреки свидетельству "Повести временных лет" до Западной Двины курганы дреговичей не доходят.

4. В период образования Древнерусского государства, а затем его распада на отдельные княжества племенная территория дреговичей претерпевают изменения. Если в первой половине X в., судя по Константину Багрянородному, эта территория сохраняет определенное единство, правда, в качестве подвластной Киеву податной единицы, то во второй половине X в. на окраине земли дреговичей появляется город Туров, основанный варягом Туром, или Турм, возможно, одним из тех "светлых и великих князь" или представителем "всякая княжья", о которых говорят договоры Руси с Византией 912 и 944 гг. В конце X в. в Турове уже княжит не пришлый варяг, а сын Владимира Святославича - Святополк.

5. Можно предполагать, что с возникновением Турова какая-то часть территории дреговичей стала в административном отношении подчиняться этому центру, однако основная часть дреговичьей территории, судя по известиям 1116 и 1149 гг., оказалась зависимой не от Турова, а от Слуцка и Клецка. Последние, в свою очередь, продолжали зависеть от Киева. Об этом свидетельствуют данные не только статьи 1116 г., но и летописные известия 1127, 1142 и 1162 гг. Поэтому можно утверждать, что с распадом Древнерусского государства территория дреговичей оказалась в составе собственно Киевского княжества. Таким образом, прежняя зависимость дреговичей от Киева сохранилась, но она приняла иные формы.

6. В Турове, Клецке и Слуцке по соглашениям с киевскими князьями стали править другие князья, однако они длительное время не образовывали особых династий. Это обстоятельство говорит о том, что на территории дреговичей в XII в. сформировались периферийные по отношению к Киеву княжества-кормления, которые давались занимавшими киевский стол князьями своим союзникам. Только во второй половине XII в. намечаются признаки превращения Туровского княжества в наследственное достояние младших потомков киевского князя Изяслава Ярославича (там в течение примерно 40 лет правили дети Юрия Ярославича - правнука Изяслава Ярославича), но нет еще передачи княжества по прямой нисходящей линии, что

свидетельствовало бы о суверенности такого государственного образования. В Клевеске одно время правит брат Дрия Ярославича Вячеслав, а позднее – новгород-северский князь Святослав Ольгович. Ему же в определенный период принадлежал и Случеск, в котором в 1162 г. видим князя Владимира Мстиславича, одного из младших сыновей Мстислава Великого. В 1212 г. стоявший в дреговичском правобережье Днепра город Речица назван черниговским, что может свидетельствовать как о расширении Черниговского княжества за счет дреговичских земель, так и о принадлежности этого района по-прежнему Киевскому княжеству, где в 1212 г. стал править черниговский князь Всеволод Чермный.

7. Подводя итог рассмотрению судеб дреговичей в составе Древнерусского государства и выделявшихся из него позднее княжеств, следует констатировать, что племенная территория дреговичей вошла в состав этого государства целиком, став одной из податных его единиц. Во второй половине X в. здесь появляется город, где действует связанная с Киевом администрация. С выделением Киевского княжества земля дреговичей превращается в сеть княжеств-кормлений в составе этого княжества. Во второй половине XII в. обнаруживается тенденция к суверенности одного из таких княжеств – Туровского. В начале XIII в. можно предполагать переход части древней дреговичской земли от Киевского княжества к Черниговскому. Таковы основные моменты истории дреговичей на протяжении X – начала XIII в.

Е. А. Мельникова (Москва)

"Знаки Рюриковичей" на восточных монетах

Среди многочисленных граффити на восточных монетах выделяется группа рисунков, представляющих собой изображение двузубца (в двух случаях трезубца; в таблице отмечены звездочками) с треугольным завершением внизу. Уже при первой публикации они были сопоставлены с так называемыми знаками

Рюриковичей, в первую очередь с наиболее ранними из известных: на печати Святослава Игоревича (ум. 972 г.), на костяном кружке из Саркела и др., и отнесены к категории амулетов-символов (ДДК, с. 67-74). Из 6 монет с этим изображением, опубликованным в ДДК, три происходили из кладов Северо-Западной Руси (ДДК, № 73, 103) и Эстонии (ДДК, № 82, трезубец) первой половины XI в., одна из клада с младшей монетой 902/903 г., найденного у с. Погорельщина в Беларуси (ДДК № 72), происхождение двух не известно (из собраний Берлинского музея, ДДК, № 433 и Эрмитажа, ДДК № 149). Датировка двузубцев временем правления Святослава (965-972 гг.) и трезубца временем правления Владимира Святославича основывалась на традиционных представлениях о происхождении знаков Рюриковичей.

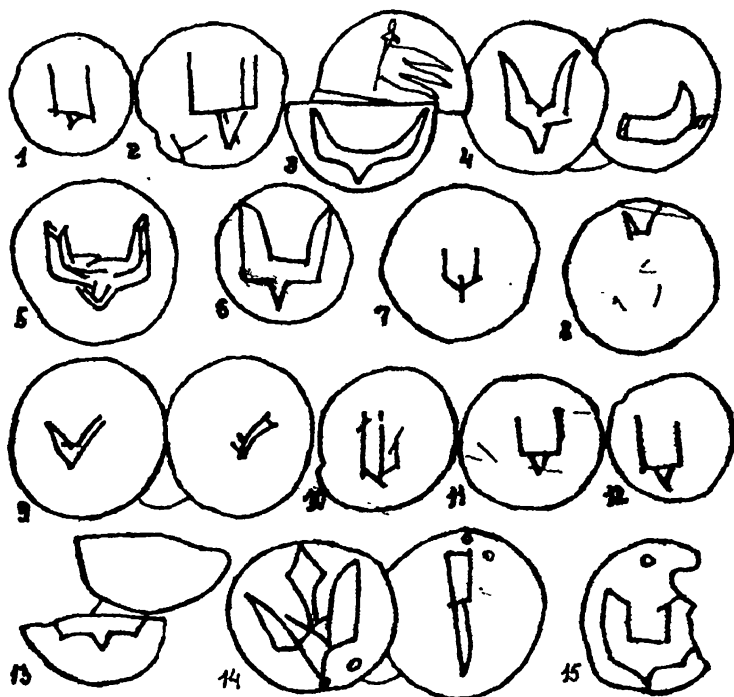
Ныне обнаружено значительное количество новых граффити на восточных монетах, в том числе и изображений знаков Рюриковичей. Число монет с этим рисунком ныне достигает 15. Новые материалы позволяют существенно пересмотреть традиционные представления о времени происхождения и содержании знака на раннем этапе его существования.

Во всех случаях граффито занимает центральную часть поля одной из сторон монеты. Как и другие рисунки, двузубцы и трезубцы представлены двумя иконографическими типами: контурным, очерчивающим "тело" предмета, и схематическим, линейным, дающим представление лишь о его важнейших конструктивных особенностях (ср. изображения молоточков Тора, крестов и др.). Контурный рисунок полностью сохранившихся двузубцев (монеты 3, 4, 5, 6, 9) отличается удлинненными и слегка отогнутыми наружу зубцами, удлинненным треугольным отростком внизу, который обрисован единой линией с основанием двузубца и не отделяется от него. Важнейшие элементы изображения: зубцы и острый треугольник под основанием воспроизводятся и в линейном варианте изображения (монеты 1, 2, 7, 11, 12). Оба типа двузубцев сосуществовали на всем протяжении их употребления, что свидетельствует об общности и неизменности их семантики.

Восточные монеты со знаками Рюриковичей

№	датировка клада	датировка монеты	место находки	тип граффито	особенности	место хра- нения, изд.
1	880-885	877/878	Чиннер, Готланд	линейное		Стокгольм НР, 25
2		894		линейное		Стокгольм Каталог
3	902/903		Погорель- щина	контурное	1/2; на об. рис. стяга	Минск, ун. ДДК, 72
4		913/914		контурное	на обор. рис. лады	Эрмитаж ДДК, 149
5		919/920		контурное		Копенгаген Каталог
6		924/925		контурное		Берлин ДДК, 433
7	до 940		Козьянки	линейное		Минск, ун.
8	951/952	895 или 904/905	Звеничев	контурное		Чернигов М, 46
9	954/955	911/912	Копиевка	контурное	на обор. рис. рога	Киев, ГИМ М, 8
*10		979/980		линейное		Чернигов М, 48
11		979/980		линейное		Чернигов М, 47
12		988/989		линейное		Чернигов М, 50
13	нач. XI в.	954-961	Васьково	контурное	1/2 на об. рис.	Эрмитаж ДДК, 73
14	1015	810/811	Самрь- строй	контурное	на обор. рис. ножа	Эрмитаж ДДК, 103
*15	п.п. XI в. X в.			контурное	обломана	Таллинн ДДК, 82

Наличие второго изображения на другой стороне монеты - распространенная особенность монет с двузубцами: в пяти случаях на обороте помещены рисунки: стяга, лады, ножа, пятиугольного рога. Однако никаких иных рисунков на том же поле монеты, где изображен двузубец, не отмечено. Знаки располагаются в центре и занимают почти все поле монеты, что, видимо, указывает на важное значение, придававшееся этому символу. Сочетание изображений двузубцев и предметов дружинного быта - важный показатель среды, в которой функционировал знак Рюриковичей: княжеские дружины.

Знаки Рюриковичей на восточных монетах

Все ранее известные изображения знаков Рюриковичей, включая граффити на монетах, указывали на его возникновение в правление Святослава (965–872 гг.), что и стало общепринятой точкой зрения. Однако уже в числе опубликованных ДДК была монета, не укладывавшаяся в эти хронологические рамки: из клада Погорельщины, варягого, очевидно, в первое десятилетие X в. (№ 3). Новые материалы дают все основания пересмотреть существующую датировку. Древнейший комплекс с монетами, имеющей рассматриваемое граффито, содержит младшую монету чеканки 880–885 гг. (№ 1),

что указывает на зарытие клада в конце IX или на рубеже IX-X вв. Чеканка монеты в 877/878 г. определяет время нанесения знака последним десятилетием IX в. Эту датировку подтверждает клад из Погорельщины с младшей монетой 902/903 г.: нанесение граффито на монету № 3 должно быть отнесено к первому десятилетию X в. Появление двузубца как символического знака, изображаемого на монетах вместе с предметами дружинного быта, ныне можно уверенно датировать концом IX - рубежом X в.

Требует пересмотра и определение содержания знака в древнейший период его существования. Его формы сохраняют стабильность на протяжении почти столетия, когда сменилось несколько поколений великих князей. Лишь в 980-е гг. появляются его модифицированные варианты (у Ярополка и Владимира Святославичей). Это позволяет заключить, что в конце IX-X вв. он не являлся лично-родовым символом. Это содержание было приобретено им значительно позднее, не ранее последних десятилетий X в. На начальном же этапе он либо принадлежал лишь главе рода Рюриковичей - киевскому великому князю, верховному правителю Руси, либо рассматривался как общеродовой знак Рюриковичей.

Уже с первой половины X в. двузубец получает широкое распространение: он помещен на пяти монетах из различных комплексов. Общее же количество монет с этим граффито - 15 - ставит его в один ряд с наиболее употребительными видами рисунков, после молоточков Тора и крестов (известно менее, чем по 10 изображений мечей, стягов, ладей, свастики).

Топография находок указывает на их преимущественное распространение в Восточной Европе: 10 монет из 12, происхождение которых известно, происходят с территории Древней Руси, причем из 9 монет, найденных на древнерусских землях (происхождение одной неизвестно), 5 обнаружены в кладах из Среднего Поднепровья. Вряд ли случайная связь со Средним Поднепровьем, очевидно, свидетельствует не просто о "дружинном" характере граффито, а о его особом значении для великих киевских князей и их дружин. Видимо, семантика знака

отражала понятия, имевшие ценность в первую очередь для недавно возникшей и формирующейся в это время новой правящей военной элиты, сделавшей Киев своим центром.

Вместе с тем скандинавское происхождение этой элиты не дает само по себе оснований возводить знак Рюриковичей к североевропейским реалиям, как это нередко делается. В самой Скандинавии практика использования владельческих знаков возникла не ранее XI в., не существовало до этого времени и символических insignий верховной власти, т.е. сама идея родового знака или знака, символизирующего верховную власть, была чужда скандинавскому обществу IX-X вв. Ближайшие аналогии знаку Рюриковичей, причем именно в форме двузубца с отростком внизу, очевидно, следует искать в Причерноморском степном регионе, где они известны со времени Боспорского царства как "царские знаки" (В.С. Драчук), а традиции использования владельческих тамг и символических знаков верховной власти были архаичны и устойчивы.

В 882 г., согласно Повести временных лет, Олег утвердился в качестве верховного правителя в Киеве, где пересекались влияния двух крупнейших государств Юго-Восточной Европы, Хазарии и Византии, в последней из которых государственная символика была чрезвычайно развита. Уже в договоре 911 г. Олег именуется великим князем русским, титулом, указывающим на его доминирующее положение в формирующемся Древнерусском государстве. К началу X в. сложилась титулатура верховного правителя Руси, что имело не только социальное, но и символично-идеологическое, а может быть и сакральное значение. К IX в. относится, видимо, принятие русскими князьями тюркского титула *каган* (А.П. Новосельцев). Можно предположить, что наряду с титулатурой, возник (был заимствован) и символический знак великокняжеской власти.

Издания граффия на восточных монетах

ДДК - Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К.
Граффия на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные

страни. Д., 1991.

М - *Мельникова Е.А.* Граффити на арабских монетах из собраний Украины // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год. М., 1996 (в печати).

МНФ - *Мельникова Е.А., Никитин А.Б., Фомин А.В.* Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 год. М., 1984. С. 26-47.

НФ - *Наханеян В.Е., Фомин А.В.* Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX-X вв. // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. 1991 год. М., 1994. С. 139-208.

HR - *Hammarberg-I., Rispling G.* Graffiter på vikingatida mynt // Hikuin, 1985. B.11. S.63-78.

LW - *Linder-Welin U.* Graffiti on Oriental coins in Swedish Viking Age Hoards // Kgl. Humanistiska vetenskapssamfundet i Lund Årsberättelse. 1955-1956. B.III. Lund, 1956. P.141-171.

Каталог - *Rispling G.* (Нумизматический институт Стокгольмского университета). Каталог граффити на восточных монетах из собраний скандинавских стран и Англии (неопубликован). Приношу сердечную благодарность Г.Рисплингу за разрешение использовать материалы каталога.

А.А.Молчанов (Москва)

**Новгород во второй половине IX - первой половине XI в.
(жизнь, топономика и история города)**

По мнению некоторых весьма авторитетных исследователей, в последнее время выявилось противоречие между данными археологии и теми свидетельствами письменных источников о Новгороде второй половины IX - первой половины XI в., которыми давно привыкли оперировать историки. Ведь, по материалам раскопок, первые уличные настилы в трех древнейших новгородских "концах" - Лядине, Неревском и

Славенском – появляются соответственно в 40-х, 50-х и 60-х годах X в., а самые ранние отложения культурного слоя датируются в пределах первой половины X в. Летописная же традиция, письменно зафиксировавшая устные исторические предания, бытовавшие к середине XI в., относит Новгороду уже с середины IX в. роль важнейшего центра Северной Руси.

Поскольку сомневаться в правильности трактовки археологических данных не приходится, был поставлен вопрос о корректности прямых упоминаний в письменных источниках топонима "Новгород" применительно к событиям до середины 1040-х годов. Переосмысливая все относящиеся сюда факты, Е.Н.Носов и В.Л.Янин пришли к выводу, что данный топоним вошел в употребление только после постройки в 1044 г. новгородского детинца на Софийской стороне. В таком случае все упоминания Новгорода в летописных погодных статьях до указанного хронологического рубежа остается признать анахронизмами-реконструкциями Никона Печерского (информатором которого по части северорусских исторических преданий был в середине 60-х годов XI в. Вышата Остромирич, сын новгородского посадника).

Весьма важно, что при этом отвергается также считавшееся прежде общепринятым отождествление с Новгородом того Невогарда (*Neuougarbъ* / *Neuougarbъ*), в котором, по сообщению Константина Багрянородного (*De adm. imp.*, cap. 9), сидел при жизни своего отца будущий киевский князь Святослав Игоревич.

Непосредственным поводом для этого послужила гипотеза А.Н.Кирпичникова об идентичности Невогарда и Ладога, поскольку последняя стояла неподалеку от озера Нево (Ладожского). Однако нет никаких оснований предполагать существование какого-либо альтернативного топонима для обозначения древнего торгового и ремесленного центра в низовьях Волхова, ибо средневековые источники знают в этом качестве лишь одну форму с ее разноязычными вариантами: др.-рус. ЛАДОГА, др.-сканд. *Aldeigja* и *Aldeigjuborg* (где *borg* = "крепость"). К тому же трудно допустить возможность передачи киевским князем далекой пограничной крепости в

управление своему единственному сыну и наследнику, да еще малолетнему. Как известно, во второй половине X – середине XI в. в роли такого удела для старшего сына традиционно выступал именно Новгород: вспомним княжение там Владимира Святославича (после отказа от этого стола обоих его братьев), Вышеслава Владимировича и Ярослава Мудрого, а также сыновей последнего – Издъ, Владимира, Изяслава.

На наш взгляд, имеется возможность беспрепятственно состыковать данные различных видов источников, если предложить новую версию исторической судьбы топонима "Новгород".

Как показали исследования Е.Н.Носова, с середины IX в. до начала XI в. в верховьях Волхова лишь одно поселение может претендовать на роль княжеской резиденции с отчетливо выраженной скандинавской доминантой. Его остатки раскопаны на известном новгородском Городище. В.Л.Янин тоже согласен видеть в этом хорошо укрепленном и многолюдном поселении центр административной деятельности в крае приглашенного князя Рюрика и его преемников. В данной связи уместно вспомнить слова летописца о том, что Рюрик "прииде к Ильмерю (т.е. к озеру Ильмень. – А.М.), сруби город над Волховом и прозаша и (т.е. его. – А.М.) Новгород и седе ту". Встает вопрос, не стоит ли современным ученым вернуться к тому мнению, которого придерживались изначально сами древние новгородцы (ему следовал, например, в начале XIX в. Е.А.Болховитинов). Ведь как раз тогда и удается снять все казущиеся непримиримыми противоречия между летописными и археологическими свидетельствами.

Вполне естественно, что место, избранное для постоянного жительства и хозяйственного обустройства конунга-иноземца, его дружины и прочих спутников, после возникновения здесь значительного по масштабам военно-административного и торгово-ремесленного центра, к которому сразу потянулись и группы новоселов из местного славянского населения со всей округи, получило название НОВЪГОРОДЪ, т.е. "Новый Город". Этому топониму был бы предельно созвучен его калькированный

древнескандинавский вариант — *Nygardr. Но в Скандинавии, видимо, чаще употребляли контаминированные формы: типа Nógardr (приводится в "Саге о Хрольве Пешеходе") и *Nevogardr > Νεβουγαρός (которую донесли до Константинополя варяги — информаторы Константина Багрянородного). О том же, что к варяжско-славянскому ("русскому") укрепленному поселению — резиденции Рюрика (Хрёрека Скъльдунга) — заведомо прилагался термин "город", говорят преобразование его первоначального имени со временем (т.е. после утраты старой крепостью своего прежнего значения) в ГОРОДИЩЕ, т.е. "Бывший Город".

Построенное при Рюрике поселение, судя по археологическим данным, стабильно сохраняло свой облик до начала XI в. В течение этого периода расквартированный здесь на постоянной основе наемный варяжский "засадный" корпус регулярно пополнялся новыми выходцами из Скандинавии, но в то же время происходила естественная ассимиляция обзаводившихся на новом месте семей и хозяйством переселенцев-иноземцев. На этой почве и сложилось традиционное представление древних новгородцев о самих себе как о потомках скандинавских выходцев, зафиксированное летописцем: "суть новгородстии людие до днешняго дне отъ рода варяжска".

Свой прежний статус Рюрикова крепость во многом утратила в период княжения здесь Ярослава Мудрого. Он перенес княжескую резиденцию на то место, которое и поныне носит название "Ярославово Дворище". Вместе с княжеским двором туда же переместился, как видно, и постоянный воинский контингент, состоявший из наемников-варягов. Произошло это, как вполне обоснованно предполагает Е.Н.Носов, в начале 1010-х годов. Главным стимулом к этому для князя должно было быть интенсивное развитие трех, расположенных поблизости друг от друга и, возможно, тяготевших уже к "синоязычизму" поселков — Людина, Неревского и Славенского. Последний из них — Славенский "конец", называвшийся также "Славно" или "Холи" (по имени наиболее защищенного пункта внутри будущего

Славна), располагаясь по соседству с новой княжеской резиденцией в Торгом (а ранее - на сухопутной дороге от Рюриковой крепости к Торгу) и потому должен был быть особенно хорошо знаком варягам из числа дружинников "засадного" корпуса и проезжих купцов-"гостей". В результате его тогдашнее основное название ХЪЛМЪГОРОДЪ стало для скандинавов, в форме Hólmgarðr, сначала главным топонимом всей ближайшей округы, а затем и синонимом Новгорода как экономического и административного центра.

Сооружение в 1044 г. на Софийской стороне цитадели-детница, в периметр стен которого попал владичный двор (резиденция епископа) и деревянный кафедральный собор постройки 989 г. (вскоре замененный каменным), завершило в целом формирование новой урбанистической структуры. Тогда же детинец, унаследовав функции крепости от старой резиденции Рюрика и его потомков (что убедительно доказал Е. Н. Носов), унаследовал и ее имя "Новгород", которое потом распространялось еще дальше - на все "концы" и прочие обжитые территории Софийской и Торговой сторон.

Мутуревич З.С. (Рига)

Ерси́кское княже́ство и пробле́мы гра́нцы́ госуда́рства

Возникновение на земле латгалов Ерси́кского княже́ства и его территории рассматривалось с течением времени не однозначно. Границы княже́ства в работах историков XIX-XX вв. определялись по-разному, поэтому целесообразно выяснить, как и почему менялось мнение о древней Ерси́ке.

В картографическом материале, составленном остзейскими историками в XIX в., замок Ерси́ка отмечен на территории латгалов как укрепление скандинавских или русских колонистов с центром около Плявиняс (городище Локстене или Ливаны) без указания границ (Kruwe 1842, Keissler 1897). Двадцатые и тридцатые годы нашего столетия явились временем, когда в изучение вопроса о локализации замков и земель древних

латгалов активно включались латышские историки. В процессе идентификации упомянутых в письменных источниках замков постепенно менялось представление о границах Ерсикского княжества. В работе о позднем железном веке Ф. Балодис (1926) определял только замковый округ Ерсика, но через десять лет им была сделана попытка включить в состав княжества большую часть всех латгальских и селонских земель за исключением Кокнесе и центральной Талавы. Ерсикское княжество было разделено Балодисом (1936, 1937) на пять больших округов: Лутиле, Цесвайне, Лудза, Дигия и собственно Ерсика, но годом позже он, принявший во внимание новейшие исследования о Талаве, северную часть территории латгалов отдал Большой Талаве (вместе с Атаеле), соответственно сократив площадь округов Цесвайне и Лудза. Таким образом, по убеждению упомянутого автора, Ерсикское княжество занимало бы около 25 000 км².

Уточнения границ латгальских земель Талавы, Атаеле и Кокнесе, предложенные прибалтийско-немецким историком Г. Ляакманом (1933), создали более точное представление и о пограничной полосе Ерсикского княжества в северном и западном направлениях. Определяя восточную границу княжества, он принимал во внимание акты раздела латгальских земель в XIII в. между рижским епископом и орденом меченосцев. В отличие от прежних исследователей Ляакман не включил в состав Ерсикского княжества самые восточные земли латгалов — замковые округа Резекне и Лудза. Он считал, что эти территории под названием "Лотыгольская земля" были подчинены прямо полоцкому князю. Одной границей княжества, по его мнению, служила Даугава. Таким образом, территория Ерсикского княжества равнялась бы примерно 6 000 км². С Ляакманом в принципе согласились Х. Моори (1952) и В. Т. Павуто (1959).

В западной историографии послевоенного времени представления о границах Ерсикского княжества менялись в связи с новыми исследованиями. Карта латгальских земель, составленная М. Хелляманом (1954), отличается от карты

Лаакмана тем, что на востоке из площади княжества обоснованно исключен Науенский (Динабургский) замковый округ. Южная граница княжества в узкой полосе пересекает Даугаву, что соответствует данным актовых материалов XIII-XIV вв. Карты, составленные П. Иохансеном (1958) и Ф. Беннингхофеном (1965), рисуют Ерсикское княжество как территорию (около 8 000 км²), ориентированную с севера на юг и необоснованно включающую большую часть Селонии за Даугавой. От вышеупомянутых отличается карта, составленная Э. Дунсдорфом (1968), в которой без серьезных оснований территория княжества (общая площадь около 10 000 км²) продлена в северном направлении, проникая в глубь Талавы. В южном и западном направлениях эта карта расширяет и удлиняет территорию княжества за счет Кокнесе и Селонии. Эти изменения границ им сделаны для того, чтобы замок Ерсика (по убеждению Дунсдорфа, это городище Олиньякалнс) находился в центральной части княжества.

Исследователями в области археологии и исторической географии установлено, что Ерсикское княжество состояло из замковых округов, объединенных в одно государство (Мугуревич 1965, 1991). В начале XIII в. оно имело значительную самостоятельность, координируя свою политику с Полоцком и Ливонией. После длительных дискуссий доказано, что центральный замок Ерсика следует искать к югу от г. Лявонии, где у хутора Шлоссберг находится сильно укрепленное городище. Раскопки 1939, 1990-1995 гг. подтверждают здесь непрерывную заселенность с IX по XIV вв. с ярко выраженной материальной и духовной культурой латгалов. В начале XIII в. в Ерсикском замке княжил Висвалдис, названный королем (*rex Wissewalde de Gercike*. - *Chronicon Heinrici*, XXIX, 4), который принял православие и сотрудничал с Полоцким князем. У Висвалдиса в свою очередь были зависимые данники (*tributarii*).

Акты начала XIII в. дают сведения о составных частях Ерсикского княжества, это - замковые округа Аутине, Цесвайне, Алене, Цердене (Гердене), Негесте, Марциена, Лепене, Асоте и Бебернине. Локализация этих округов

показывает, что территория княжества в очертании составляла треугольник, ориентированный с северо-запада на юго-восток с площадью около 6 000 км². Ознакомление с ситуацией уломанутых замковых округов свидетельствует, что Ерсикское княжество занимало территорию от Восточно-Латвийской возвышенности, включая бассейны правобережных притоков Даугавы, и вдоль южного края Центрально-Видземской возвышенности достигало бассейна Гауи.

Анализ писемичных источников показывает, что в начале XIII в. зависимость ~~всех~~ перечисленных замков от центра княжества была неодинаковой. В наибольшей зависимости находились замковые округа к востоку от р. Айвексте, а земли к западу (Аутине, Цесвайне и др.), бывшие в свое время в вассальной зависимости от Ерсикского княжества, в начале XIII в. были сравнительно самостоятельными и заключали союзы с другими правителями.

Изаренко А.В. (Москва)

Некоторые соображения о договоре Руси с греками 944 г.
в связи с политической структурой Древнерусского государства

Как известно, текст договора 944 г. начинается подробным перечислением русских послов, причем от аналогичного списка из договора Олега 911 г. он отличается не только количественно, но и структурно. Если в последнем видим просто каталог из 15 имен, то в договоре Игоря ему соответствуют уже две группы послов: 1. личные представители князя Игоря, его сына Святослава и жены Ольги, а также некоторых других, названных применительно (всего 25); 2. "кушцы" или "гостье" (28 или 30, в зависимости от разбора текста на слова). Историки не раз (хотя и не слишком настойчиво) задавались вопросом о социальном и политическом статусе тех лиц, которые имели право на личные послов. В самом договоре сказано, что послы в целом прибыли "от Игоря, великого князя русского, и от всякого князя, и от всех людей Русьских

земля". Следовательно в отправителях первой группы послов естественно было бы, наряду с Игорем, видеть как раз это "князь". В подтверждение такого вывода можно привлечь терминологию описания Константином Багрянородным несколько более позднего посольства в Царьград княгини Ольги, которое также указывает членение на "слов" (ἀποκρισάριοι) и "гостей" (ἐπαμειβεταί), причем первые названы "послами архонтов Руси" (οἱ ἀποκρισάριοι τῶν ἀρχόντων Ῥωσίας). Полнота аналогии подкрепляется тем, что число "послов от архонтов Руси" — 22 — в точности совпадает с числом личных послов от "князя" договора 944 г.: из 26 "слов" договора надо, разумеется, вычесть трех — послов покойного Игоря, а также Ольги и одного из "нетцев" Игоревых, присутствовавших в Константинополе лично.

Трудность, однако, состоит в том, что положение этого "князя" в дренерусском обществе середины X в., в свою очередь, совершенно неясно. Так, скажем, С.М.Соловьев считал его представителями княжеского семейства, поскольку только они, по мнению историка, могли именоваться на Руси князьями. Б.Д.Греков же был уверен, что, как и в случае со "светлыми и великими князьями" договора Олега 911 г. (которые "суть под руком" Олега и, по разъяснению автора Повести временных лет, "сидяху по градом"), речь идет о "местных князьях", вступивших в отношения подчинения к киевскому князю (в настоящее время подобного мнения придерживается, например, А.А.Горский). Разновидностью такой точки зрения является позиция Г.Г.Литаверина, полагающего, что стабильное число личных "слов" воспроизводит количество "городских и одновременно крупных административных центров", подчиненных Киеву.

При всей внешней логичности трактовка Б.Д.Грекова-Г.Г.Литаверина вызывает принципиальные возражения. Усматривать в "князьях"—"архонтах", имевших в середине X в. право на личных послов при международных переговорах, именно восточнославянских "местных князей" затруднительно хотя бы потому, что подавляющее большинство их носит скандинавские

имена. Не спасает и попытка заменить "местных князей" на киевскую дружинную верхушку (сам Б.Д. Греков именует "князь" договора 944 г. то "местными князьями", то "князими мужами - боярами", "уполномоченными от киевского княжеского правительства"). В самом деле, в числе "князья" поименованы и женщины; помимо Ольги, их по крайней мере две: Передслава и Сфандра, к которым, возможно, следует прибавить названную на последнем месте Уту. Они включены в эту привилегированную группу либо в силу собственного статуса (как Ольга), либо унаследовав этот статус от мужей (Сфандра, "жена Улебя", в списке присутствует, хотя самого Улеба в нем нет). Первое было, надо думать, исключением, а второе - правилом, иначе трудно объяснить, почему из 25 имен всего 3 или 4 женских. Если с теорией об автохтонных "местных князьях" этот факт еще возможно как-то согласовать, то о предоставлении о "князь" как посадниках киевского князя по волостям он решительно не вяжется. Кроме того, в таком случае было бы странным отсутствие в списке отправителей послов Саенельда, воеводы Игорева.

Г.Г. Лятаврин, комментируя описание приема Ольги в Константинополе из трактата "О церемониях византийского двора", не ограничивается, однако, аргументацией в пользу идеи о 22 "административных центрах" Руси, а путем остроумных числовых наблюдений пытается наметить дифференциацию в группе "князья". Историк замечает, что на первом приеме во дворце княгини сопровождали 6 "родственников-архонтов" (*ουγγριτζ αρχόντοι*), а на втором - 16; исходя из того, что первым получили в дар по 20 милларисков, а вторые - по 12, делается вывод, что эти последние были не княжеского рода, а "боярыня". Так как, далее, $6 + 16 = 22$, т. е. общему количеству послов, то, по предположению Г.Г. Лятаврина, речь идет о женах упомянутых 22 управителей "административных округов".

Идея о возможной стратификации внутри "князья" договора 944 г. выглядит естественной, ведь в аналогичных формулах в других местах договора термину "князь" соответствуют

термины "князи и бояре" или даже просто "(все) бояре". В то же время именно непоследовательность терминологии наводит на подозрение, а не имеем ли мы дело с вариациями перевода одного и того же греческого слова "ἄρχοντες"? Эти подозрения еще больше укрепятся при ближайшем рассмотрении доводов Г.Г.Литаврину. Если даже отнести к числу потенциальных "бояр" всю вторую часть списка 944 г. (начиная от "Студька", названного на 12-м месте, так как всех, поименованных между двумя "негиями" Игоревыми, следует, вероятно, все же признать родственниками киевского князя), все равно не наберется 16 кандидатур. Следовательно, можно придавать значение либо численному совпадению $6 + 16 = 22$, либо совпадению числа послов в договоре 944 г. и в описании приема Ольги (по 22). На первом приеме присутствовали "люди Святослава", стало быть среди послов должен был находиться и посол Святослава (как есть он и в списке послов 944 г.). Но вряд ли к моменту поездки Ольги в Царьград Святослав был женат (как бы ни датировать эту поездку); следовательно, на долю жен управителей "административных округов" остается не 22, а 21 место, что подрывает подсчеты Г.Г.Литаврину. Надо признаться, что и сама мысль, будто на время поездки Ольги на берега Босфора вся административная верхушка Руси лишилась жен, представляется нам несколько гротескной. И 6 участниц первого приема Ольги, и 16 - второго у Константина обозначены одним и тем же термином "ὑβιαί", т.е. "приближенные"; разница же в размере императорских даров первым и вторым вряд ли говорит о разнице в их социальном статусе, поскольку, по наблюдениям самого Г.Г.Литаврину, второй прием характеризуется общим снижением количества даров для всех его участников (за исключением послов). Итак, не видно причин считать "князьев" договора 944 г. группой социально неоднородной.

Так кто же в таком случае перед нами? В свете сказанного это группа лиц, характеризующаяся следующими признаками: 1. относительной стабильностью состава; 2. наследственностью места в группе, распространяющейся и на жен; 3. вероятной

социальной однородностью, причем для ряда членов группы прямо засвидетельствовано их родство с киевским князем. Пункты 2 и 3 говорят о том, что группу скрепляли кровнородственные связи; пункты 1 и 2 - о наличии внутри группы наследуемой по частному праву собственности. Таким образом вырисовывается коллектив, скрепляемый значительно более архаическими связями, нежели связи политико-административные. Каков же характер этих связей и лежащий в их основе собственности?

Конечно, глосса летописца, что "князь" группы "сидяху по градом" - всего лишь взгляд из начала XII в. и ему можно было бы не придавать решающего значения. Тем не менее, какая-то связь по меньшей мере некоторых из них с "градами" вероятна, как то видно из другой обломки летописи, что "Вышгород бе град Ольгови". Понятно, что Ольга не "сидела" в Вышгороде в том административно-политическом смысле, какой вкладывали в это слово в XII в. В то же время ясно и другое - что Вышгород как таковой вовсе не был наследственной собственностью Ольги (если полагаться на предание о псковском происхождении княгини). Следовательно, Вышгород получен во владение Ольгой в соответствии с ее местом в князевском семействе. Таким образом, предметом наследования в рассматриваемой группе собственников были не конкретные "грады" или "села", а право на определенную долю в доходах с подвластных киевскому князю земель, которое могло выражаться и в "кормлении" со специально для этой цели выделенных "градов" или "сел". Видимо, в соответствующей пропорции делились и идущие в Киев дани с "примученных" территорий, причем в распоряжение собственно Киева (т.е. интересующей нас группы собственников) поступали 2/3, а 1/3 шла непосредственному владельцу дани, который мог принадлежать к "князь" роду (как Ольга в случае с дрезлянской данью после 945 г.), а мог и не принадлежать (как Свенельд в случае с той же данью до 944 г.). Судя по тому, что еще в начале XI в. при Владимире Святославиче новгородская дань по традиции ("такое даяху вси посадьяница Новъгородьстия") также делилась

в отношении 2 : 1 (две части – Киеву, 1 часть – Ярославу Владимировичу как владельцу новгородской дани), даже Новгород не входил в число территорий, находившихся в первой половине – середине X в. в непосредственном владении исследуемой группы собственников. Думаем поэтому, что зоной такого непосредственного владения была "Русская земля" в узком смысле слова; по крайней мере, Чернигов и Переяславль в эту дону входяия, козь скоро черниговские и переяславские "гости" получали в Константинополе месячное по договору 911 г. наряду с киевскими.

Итак, "князь" договора 944 г. рисуется в виде довольно многочисленной *кровнородственной группы*, члены которой обладают наследственным правом на долю в некоторой сумме собственности, представляющей в этом смысле *коллективной собственностью*. Это право реализуется в форме "кормления" с одного (или, возможно, нескольких) "градов" или "сел" "Русской Земли" (находившейся, таким образом, в коллективном владении названной группы), а также в форме пропорциональной доли от тех 2/3 дани, которая полагалась Киеву от подвальных племенных территорий. Едва ли мы ошибемя, отождествив эту кровнородственную группу с *княжеским родом* в широком смысле слова.

Такой вывод выглядит правдоподобным еще и по следующим причинам. Он объясняет долго сохранявшюся (вплоть до середины XI в.) неделимость "Русской Земли" и хорошо вписывается в современные теории о корпоративном характере власти и государственной собственности в ранней Руси (Л.В.Черепнин, В.Л.Янин и др.). Кроме того, существование братского совладения (*corpus fratrum*) как формы государственного устройства Руси до установления сеньората в середине XI в., живучесть традиций архаической корпоративности в политическом строе домонгольской Руси и в последующее время заставляют предполагать, что коллективные формы собственности и власти к XI в. имели уже достаточно длительную историю.

**Латгальская дань
в системе отношений между Новгородом и Псковом**

1. В последние годы вновь усилился интерес к вопросу о положении Пскова в составе Новгородской феодальной республики. Не вступая непосредственно в дискуссию, обратимся к частному вопросу — о латгальской дани Новгороду и Пскову. Основными источниками по данной теме являются русские летописи, "Хроника Ливонии" Генриха первой четверти XIII в. и некоторые ливонские акты того же времени.

2. Признанным в историографии является тот факт, что латгальские земли (*tergae*) Толова (Талава) и Адзеле находились до крестоносного завоевания региона в сфере даннической зависимости от Северо-Западной Руси. Но нет четкого представления о том, кому конкретно платили дань эти земли. По мнению Т. Зейда и Э. Мугуревича, Толова и Адзеле зависели от Пскова. М. Анус пишет о дани в пользу Новгорода-Пскова. Нечеткость в оценках происходит из-за скудости сведений источников. Ниже выскажем ряд соображений по данному вопросу.

3. Расширение сферы даннического интереса Руси в северных районах Восточной Прибалтики было продолжением процесса постепенной колонизации финских народов к востоку от р. Нарвы и Чудского озера. Первое упоминание об Адзеле ("Очеле" русских источников) относится к 1111 г. Поход туда князя Мстислава с новгородцами совпадает по времени с возобновлением наступления из Новгорода на юго-восточные районы обитания эстов. Можно предположить, что с того времени начинается более или менее регулярный сбор дани с Очелы. Вероятно, тогда же в данническую зависимость от Новгорода попадает и Толова. Причем создается впечатление, что в летописи под названием "Очела" понимаются обе эти земли как "крайняя", "передняя" территория распространения власти из Новгорода. Под 1179 г. известно о разорении Очелы новгородцами во главе с князем Мстиславом Ростиславичем. Из

летописного же сообщения 1284 г. следует, что дань в Очеле собирали именно псковичи. Это позволяет предполагать, что они имели такое же право на сбор здесь дани и до крестоносной агрессии в Прибалтике.

4. По сообщению хрониста Генриха, жители Толовы всегда были данниками Пскова. Псковичи крестили их по православному обряду. Тем не менее, договор о мире и сохранении права на дань с Толовы и Адзеле в 1224 г. заключают послы "из Новгорода и Пскова". Сообщая же о подтверждении этого договора папским легатом в 1225 г., хроника отдельно называет только русских из Новгорода, а псковичей можно лишь подразумевать среди представителей "других городов", которые прибыли тогда в Ригу.

5. Имеющихся данных недостаточно для окончательных выводов. Все же, думается, правомерно предположить, что по крайней мере во второй половине – конце XII в. Новгород передал право на сбор дани с земель Адзеле и Толова Пскову, сохраняя за собой политическую власть над ними. Упомянем в этой связи еще два обстоятельства.

6. Поход 1179 г. на чудь-эстов считается ответом на предыдущие нападения "поганых" на "Новгородскую землю", в частности, за разорение окрестностей Пскова "всей Чюдской землей" в 1176 г. Можно лишь предполагать, что отряд псковичей был в новгородском войске в 1179 г., хотя прямого указания на это нет. В отличие, например, от столь же масштабного наступления на эстов в 1191-1192 гг., где псковичи сыграли заметную роль. По сообщению I Новгородской летописи, новгородцы ходили "на Чудь, на Очелу". Но Очела-Адзеле была тогда в основном латгальской, а не "чюдской", т.е. финской. Далее. Странно, как, спасаясь от новгородцев, жители Очелы "отбегоша к морю" за сотни километров. Кроме того, вообще нет упоминаний в источниках об участии ее жителей в походах вместе со "всей Чюдской землей". Наоборот, здешние латгалы "терпели много обид" от эстов. К тому же их нельзя уже было целиком отнести к "поганым", т.к. правосудие в XII в. получило распространение

в среде местной знати. Изначально верным представляется текст в двух списках младшего извода Новгородской I летописи: "на Чюдъ, и на Очелу".

7. Важным для понимания смысла происходившего является рассказ Ипатьевской летописи о том, что, возвращаясь "с Чюди", князь Мстислав "аниде во Плесковъ" и выгнал псковского сотского из-за того, что псковичи не захотели принять у себя его "сыновца" Бориса, и таким образом "оутверднхся с людьми", вернулся в Новгород. Можно предположить, что появление Мстислава в очеле, переданной для сбора дани Пскову, как в изгнание псковского сотского, - два действия в наказание псковичей за строптивость.

8. Хроника Генриха зафиксировала также поход "русских" за данью в Толову в конце 1216 г., когда данщиков захватили в плен меченосцы из Вендена. Хронист не говорит, были ли эти русские из Новгорода или из Пскова, но сообщает, что вырывать данщиков отправились послы от новгородского князя. Понять этот эпизод можно двояко. Если данщики были из Новгорода, а не из Пскова, то тогда их приход и сожжение замка Беверн (хотя латгалы не сопротивлялись сбору дани) можно рассматривать как ответную реакцию новгородцев за самоуправство псковичей в земле Уганди, на которую они не получали прав, а также наказание латгалов за разорение этой восточной земли. Если же данщиками были псковичи, то новгородский князь выручает их как своих подданных.

Первый вариант, на наш взгляд, более вероятен, но в любом случае Новгород демонстрирует верховную власть и над Толовой, и над Псковом.

С. Л. Нисольской (Москва)

Кенорм и кровная месть

По материалам Древней Руси и Скандинавии

1. В эпоху раннего средневековья обычное право, а затем и государственное законодательство закрепляли неполноправие

женщины по сравнению с мужчиной. Однако женщина в силу ее важной роли в системе кровно-родственных отношений имела собственные, обусловленные юридическими нормами права в практике кровной мести. Типологическое сходство развития Древней Руси и Скандинавских стран в IX-XI вв. позволяет при недостатке письменных источников, особенно древнерусских, обратиться к сопоставительному анализу роли женщины в кровной мести в обоих регионах. Представляется, что лучше освещенный как правовым, так и нарративными источниками скандинавский материал проливает свет на некоторые аспекты участия женщины в кровной мести и в древнерусском регионе. Сравнительное исследование дает также возможность выявить как общие закономерности, свойственные, очевидно, институту кровной мести в условиях формирования государства, так и его местные особенности.

2. Жизнь и честь женщины оградялась правом так же, как и жизнь и достоинство мужчины. Месть за убийство женщины входила в круг обязанностей родичей-мужчин. В древнерусском законодательстве отдельная статья, устанавливавшая наказание за убийство свободной женщины – денежный штраф, появляется лишь в Пространной Правде, где отражена уже система денежной компенсации. Вероятно, до юридической отмены кровной мести мщение за родственников женского пола было таким же правилом, как мечь за убитого родича-мужчину. Это косвенным образом подтверждается рассказом ПВЛ под 1071 г., где процедура наказания в виде послесудебной кровной мести близка по своей сути к норме Краткой Правды. Названные в летописи степени родства мстителей и убитых схожи с приведенным в Русской Правде списком мужчин, убийство которых подлежало мщению: мать (отец), сестра (брат), дочь (сын). Аналогичные постановления существовали и в Скандинавии, где порядок наказания за преступления против женщин зафиксирован в сборниках областных законов Норвегии, Швеции и Исландии.

3. Прерогатива непосредственного исполнения акта мщения, очевидно, не распространялась на женщин. Женщина как

активная мстительница не фигурирует в правовых источниках ни Древней Руси, ни Скандинавии, то есть в обоих регионах она не обладает правом на осуществление кровной мести. Однако нарративные источники обоих регионов содержат сюжеты, где женщина выступает мстительницей за своих ближайших родичей — отца, брата, мужа. В ПВЛ таких рассказов два: месть княгини Ольги за убитого древлянами Игоря и попытка Рогнеды отомстить Владимиру за отца и братьев. Оба повествования восходят к устному народному творчеству, синтезируя фольклорные мотивы, ~~временисценции~~ исторических событий и летописную обработку (Е. А. Рыдзева). Большое число аналогичных сюжетов имеется в исландских сагах. В случае с Ольгой месть осуществляется не ею собственноручно, а по ее указанию приближенными и подданными. В скандинавских источниках женщина, обладающая властью, также часто действует руками своих слуг и рабов. Напротив, когда женщина вынуждена действовать сама, она, в представлении современников, чаще всего обречена на неудачу. Такова попытка мести Рогнеды и значительное число сюжетов в скандинавских сагах. В обоих случаях активное участие женщины в осуществлении кровной мести обусловлено отсутствием других мстителей. Представляется, что эти сюжеты отражали не столько реальный правовой статус женщины, сколько являлись отголосками родовых представлений о кровной мести как священном долге, связывающем весь семейный коллектив.

Вместе с тем, судя по скандинавским нарративным памятникам, женщины нередко участвовали в судебных и внесудебных процедурах, связанных с кровной местью. Они передавали полномочия на защиту своих интересов мужчинам, связанным с ними узами кровного родства. Это давало женщине основание требовать от мужчин неукоснительного и последовательного поддержания собственного достоинства (У. Миллер). Отсюда ведет свое происхождение чрезвычайно распространенный в скандинавских сагах сюжет, где женщины подстрекают своих родичей-мужчин к исполнению кровной мести. Настоятельное повторение данного сюжета служит подтверждением

правового статуса женщины и отражает ближайший круг ее кровно-родственных связей.

В скандинавских областных законах упоминается возможное расширение прав женщины в процессе судебного разбирательства дела об убийстве или принятие женщиной выкупа при отсутствии у убитого близких родственников мужского пола.

4. Чуждо древнерусскому праву и, видимо, практике (судя по отсутствию соответствующих сюжетов в нарративных источниках) представление о женщине как возможном объекте мщения. В сагах различаются женская и мужская половым враждебного дома и, как правило, женщины исключаются из сферы действия кровной мести. Однако в областных законах Норвегии и в Исландском судебнике *Grágás* присутствуют статьи, предполагающие месть женщине.

5. Таким образом, в Древней Руси и Скандинавии в правовых документах, с одной стороны, и в нарративных текстах, с другой, прослеживается ряд общих, очевидно, закономерных для данного этапа развития общества представлений, определяющих формы участия женщин в исполнении кровной мести, а также выявляются некоторые существенные различия, видимо, связанные с более активной в социальном отношении (ср. права наследования) ролью женщины в скандинавских странах.

К общим положениям относятся:

1) право женщины быть отмищенной, закрепленное в обоих регионах в законодательстве;

2) участие в осуществлении кровной мести за смерть своих родственников, не закрепленное юридически, но отражавшееся в нарративных источниках, восходящих к устной традиции и отражающих архаичные представления о воиновых обязанностях членов рода.

В отличие от Руси, в скандинавских странах женщины могут выступать объектами мщения (в соответствии с некоторыми нормами областных законов Скандинавии).

В. Б. Перхавко (Москва)

Князь Иван Берладник на Нижнем Дунае

Нижнее Подунавье — важный в военно-стратегическом, политическом и торгово-экономическом значении регион — издавна привлекал внимание древнерусских князей¹. Достаточно вспомнить о походах туда Святослава Игоревича в 967-971 гг., о более поздних планах Василька Ростиславича Терембовльского в конце XI в. переселить в свою волость дунайских болгар, о знании киевскими летописцами XI-XII вв. ситуации на Нижнем Дунае, о неоднократных попытках Владимира Мономаха в 1116 г. закрепиться там путем поддержки притязаний зятя Леона Диогеновича (Лже-Диогена) и направления отрядов во главе с Вячеславом Владимировичем, Иваном Воитишичем и Фомой Ратиборовичем для установления власти Киева над Доростолом и другими нижнедунайскими центрами. В "Истории Российской" В. Н. Татищевым приводятся интересные свидетельства о военных действиях в Нижнем Подунавье галицкого князя Владимирки Володаревича в 1144 г. о строительстве там городов его сыном Ярославом Осмомыслом, о чем нет никаких упоминаний в сохранившихся летописях. Согласно "Слову о полку Игореве" влияние Галича при Осмомысле простиралось до Дуная. Еще более тесные связи с Подунавьем поддерживал, судя по Киевской летописи, дошедшей в составе Ипатьевского свода, его противник, двоюродный брат Иван Ростиславич Берладник, прозвище которого происходит от области Берладь в бассейне одноименной реки (совр. румынск. Бырлад — Birlad), левого притока р. Сирет, впадающей в Дунай. В литературе еще с XIX в. дискутируется вопрос о подлинности так называемой грамоты Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. и существовании

¹Тема "Древняя Русь и Нижнее Подунавье (X-XIV вв.)" разрабатывается автором при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 96-01-00049).

деятельности на Нижнем Дунае представляется актуальным и целесообразным.

Впервые Иван Ростиславич, сын перемышльского князя Володаря Ростиславича, упоминается в летописи под 1144 г., когда его пригласили из Звенигорода галичане, воспользовавшиеся отсутствием своего князя Владимира (Владмирка) Володаревича, приходившегося ему дядей. Потерпев поражение от подошедшей к Галичу дружины более могущественного родственника, племянник бежал зимой на Дунай, откуда вскоре вернулся степью на Русь под защиту великого киевского князя Всеволода Ольговича. После смерти своего покровителя, безуспешно пытавшегося в ходе войны с Владимиром Володаревичем Галицким отобрать Звенигородскую волость, Иван Берладник в 1146 г. перешел на службу со своей дружиной к его брату, новгород-северскому князю Святославу Ольговичу. С этого момента в летописи за ним прочно закрепилось прозвище "Берладник", хотя его деятельность в качестве наемного полководца в последующие двенадцать лет была связана не с придунайской Берладью, а с происходившими на Руси военными мероприятиями сызренов - Святослава Ольговича, смоленского князя Ростислава Мстиславича, Дрия Владимировича Долгорукого, черниговского, а затем великого киевского князя Изяслава Давыдовича.

Лишь в 1158 г. по летописному свидетельству Иван Ростиславич вновь очутился вместе с союзными половцами на Нижнем Дунае, где, заняв ряд городов, совершал пиратские нападения на торговые суда и вредил галицким рыболовам. Там его войско пополнилось за счет шести тысяч берладников - вольных людей, беглецов из Руси, порвавших со своей прежней средой, предшественников позднейшего русского и украинского казачества, занимавшихся преимущественно пиратством. Попытка Ивана Берладника отвоевать у своего родственника Ярослава Осмомысла южные галицкие владения (города Кучелин, Умича) закончилась неудачей, как и последовавшая затем война с Галичем Изяслава Давыдовича, вскоре изгнанного с киевского стола Ростиславом Мстиславичем. Тогда наступил черед Ивана

Ростиславича оказать поддержку своему покровителю, и в 1159 г. берладники совершили нападении на принадлежавший Киеву порт Олешие в устье Днепра и разграбили его. Посланные новым киевским великим князем Ростиславом Мстиславичем воеводы Дрий Нестерович и Якун, отправившись в погоню, в ладьях, сумели настичь и разгромить пиратов в районе нижнедунайского города Дичина. А через два года в далекой Солуни скончался Иван Берладник, очевидно, отравленный византийцами по просьбе их союзника Ярослава Осмомысла.

Таким образом, ~~на~~ протяжении тех семнадцати лет его жизни, которые освещены в летописи, Иван Ростиславич лишь эпизодически, наездами появлялся на Нижнем Дунае с целью выполнения своей дружины с помощью местной воюшницы и не мог создать там какое-либо княжество, входившее в число владений Рюриковичей. Лишь в Новгородской первой летописи он один раз под 1149 г., да и то, скорее, иронически, назван "Берладским князем". Нет никаких свидетельств о его длительном (более года) пребывании в Берладе.

Тем не менее, до последнего времени в литературе можно встретить утверждения о существовании древнерусского княжества в Берладе, находившегося в вассальной зависимости от Галича (А.А.Зимин, 1953; Н.Вещерка, 1960; Н.А.Мохов, 1961; В.Т.Памуто, 1950, 1967, 1968; М.Н.Тихомиров, 1969; П.Н.Толочко, 1981; И.П.Крипьякевич, 1982 и др.). Сторонники данной точки зрения по-прежнему ссылаются на грамоту Ивана Ростиславича Берладника 1134 г., текст которой был издан в 1860 и 1869 гг. патристически настроенным румынским писателем Б.П.Хядеу на основании якобы утраченной средневековой рукописи. Несоответствие ее нормам древнерусского языка и историческим реалиям XII в. было обстоятельно доказано И.Богданом (1888-1889), А.И.Соболевским (1895), П.П.Панаятеску (1932, 1966) и другими учеными. Тогда не существовало ни права склада товаров, утвержденного якобы по грамоте Иваном Ростиславичем в Берладе, ни двух других нижнедунайских городов (Малого Галича на месте Галаца и Текуча), которыми будто бы он

владел. Все эти центры известны по письменным источникам лишь с XV в., а в XII в. в бассейне р. Бырлад по археологическим данным не выявлены следы городской жизни. На территории современного румынского г. Бырлада, расположенного на правом берегу одноименной реки, открыты поселения балкано-дунайской культуры IX-X вв., относящиеся к XII-XIII вв. курганные погребения торкоязычных кочевников, а также поселения XIII-XIV вв. (V.Spinei, 1979). С учетом его первого письменного упоминания (1407 г.) можно предположить, что возник он не позже XIII в. В окрестностях г. Текуча на правом берегу р. Бырлад найдены лишь две анонимные византийские монеты, на основании которых нельзя утверждать о его существовании как торгового центра с XII в.

В целом среди археологических материалов из бассейна р. Бырлад и прилегающей к нему территории междуречья Прута и Сирета пока не удалось обнаружить массовые и разнообразные восточнославянские элементы, свидетельствующие в пользу длительного пребывания там берладников и тем более вхождения данного региона в XII в. в качестве особого княжества в состав древнерусских земель (V.Spinei, 1986, 1994). Находки древнерусских бронзовых крестов-энколпионов из Кэбешти (XIII в.) и Кодэешти (XII в.), одностороннего крестика с выемчатой эмалью XI-XII вв. из Дзешти фиксируют лишь появление здесь отдельных выходцев из Руси на протяжении довольно длительного времени, в том числе после монгольского нашествия (М.Комша, 1987; D.Gh.Teodor, 1991). К тому же их могли привезти для местного православного населения купцы из Киева или Галича. Гораздо больше самых разных вещей древнерусского происхождения (крестов, дверных трубчатых замков, пряслиц для прядения из розового овручского шифера, глиняных полихромных поливных яиц-писанок и др.) открыто в более южных нижнедунайских средневековых центрах: Гараан (Диногечии), Исаке (Новиодунуме), Нуфэру, Пакуйул лун-Соаре и др. Но все они расположены за пределами бассейна р. Бырлад и, очевидно, часть из них находилась в числе городов, переданных византийским императором Мануилом Комнином в

держание русским князьям Васильку Дрьевичу (сыну Дрия Долгорукого) и Владиславу в 60-х гг. XII в.

С помощью современных археологических данных невозможно подтвердить подлинность хотя бы части свидетельства грамоты 1134 г. Уже сама ее датировка вызывает большие сомнения, поскольку Иван Ростиславич впервые упоминается в летописи под 1144 г. еще без прозвища "Берладник". При составлении текста этого фальсификата явно были использованы летописная речь Святослава Игоревича 969 г. о торговом значении Переяславца на Дунае, уставная грамота молдавского господаря Александра львовским и подольским купцам от 8 октября 1407 г., в которой упоминается о взимании мыта в г. Берладе, и ряд других более поздних источников.

Придунайская область Берладь не стала древнерусской княжеской волостью, передававшейся по наследству. Сын Ивана Берладника, Ростислав Берладничич подобно своему отцу вел жизнь князя-изгоя, служа при дворе смоленского князя Давыда Ростиславича. Его попытка в 1189 г. вокняжиться в Галиче также закончилась плачевно. А Берладь превратилась в символ места изгнания, куда, например, Андрей Боголюбский велел в 1173 г. идти из Русской земли Давыду Ростиславичу. Представляется не совсем правомерным сравнение М.С. Грушевским Берлади с Тмутараканью, хотя их сближает окраинное расположение на стыке интересов Византии, Руси и тюркоязычных кочевников. Но Тмутаракань была отрезана от остальных русских земель Азовским морем и степными пространствами, и в XI в. там действительно княжили, чередуясь, представители разных ветвей Рюриковичей, что, даже принимая во внимание неустойчивость их власти, дает основания говорить о Тмутараканском княжестве, занимавшем особое место в структуре Руси. Владения же Галича в верхнем течении р. Прут, вдоль которого сохранился топоним "Берладский путь", непосредственно примыкали к области Берлади.

Название "берладники" почему-то не закрепилось за отекавшими туда беглыми людьми из Руси. После смерти Ивана

Ростиславича оно совсем исчезает со страниц летописи, что, быть может, связано с военными действиями Ярослава Осмомысла и византийцев по разгрому их временных опорных баз в бассейне р. Бирлад. Скорее всего, так именовались лишь сподвижники Ивана Берладника из числа известных по источникам XII-XIII вв. бродников, смешанного по этническому составу славяно-туркского населения древнерусских степных окраин, промышлявшего военными набегами (Н.Ф.Котляр, 1969; П.Павлов, 1983, 1986). Часть этой вольницы, проживавшей у юго-западных владений Галича, называли галицкими "выгонцами" (1223 г.). Их положение у Нижнего Дуная, где сталкивались интересы Галича и Византии, а затем и Второго Болгарского царства, не было достаточно прочным и устойчивым из-за противодействия соседних мощных политических образований. Восточнославянские элементы хорошо прослеживаются в археологических материалах XI-XIII вв. из придунайских и нижнедунайских центров, что связано с разнообразными контактами Руси с этим регионом, который, однако, не входил структурно в ее состав в качестве отдельной административно-политической единицы.

В.Я.Петрухин (Москва)

К проблеме происхождения древнерусской десятины:

"Ветхий завет" и древнерусская традиция

"Ветхозаветная" традиция являла для становящегося русского государства исторические образцы, на которые вполне очевидно ориентировались и Начальная летопись - "Повесть временных лет" (ПВЛ), и первые русские книжники вообще (ср. Шендерович 1994). В летописи Владимир сопоставляется с Соломоном, первый раз - прямо как "женилобец", держащий сотни наложниц в пригородах Киева (ПВЛ 1. С. 56-57), второй раз - менее явно, как строитель первого храма христианизированной Руси - Десятинной церкви: после освящения храма Владимир "створи праздник велаяк в те день

боляром и старцем градским, и убогим роздал имения много" (ПВЛ 1., С. 85; ср. 3-я Царств, гл. 8, 65: "и сделал Соломон в это время праздник, и весь Израиль с ним" и т. д.).

Соломон был образцом государя во всех средневековых обществах, почитавших Ветхий завет, в том числе в Византии, в свою очередь служившей образцом для христианской Руси. Этот византийский образец заставлял искать в Византии истоки другого установления Владимира: согласно ПВЛ, князь дал первому храму "от имения моего и от град моих десятую часть" – поэтому киевская церковь Богородицы и была прозвана Десятинной. Действительно, в Византии, как и во всем средневековом мире, была известна десятина (ср. ПВЛ 11. С. 348; Шапов 1965. С. 315–316), но там в отличие от Западной Европы, десятина не шла специально церкви. В связи с этим уже предполагалось западноевропейское, общеславянское (ср. Шапов 1965. С. 315–326; Флоря 1992. С. 5–50), наконец, хазарское происхождение десятины. Последняя гипотеза, предложенная Г. Вернадским, мало обоснована: привлекаемое историком известие Ибн Хордадбега о десятине, взимаемой хазарским правителем с руси, относится к торговой пошлине: такую же пошлину брали с руси и в Константинополе (Шапов 1965. С. 316–318).

Общие соображения о преемственности Русского и Хазарского государств, а также о постоянном присутствии еврейско-хазарской общины в Киеве с X в. не решают проблемы происхождения русской церковной десятины. Однако несомненна ориентация самих древнерусских текстов, посвященных десятине, на ветхозаветную традицию. В ПВЛ эта ориентация не столь очевидна, но контекст, согласно которому Владимир дает десятую часть от имения и градов Настасу Корсунианину, напоминает библейский сюжет, где впервые упоминается десятина: Авраам дает десятину "от всего" Мелхиседеку, жрецу Всевышнего (Быт. 14, 20). Зато вполне определенная цитата из Второзакония приводится в "Памяти и похвале Владимиру" Иакова Мниха: там говорится, что князь дал церкви десятину, "тем поны набдети и сироты и вдовича и нищия"; ср. "Когда ты

совершишь отделение всей десятины от своего урожая на третий год, год десятины, то ты отдай левиту, пришельцу, сироте и вдове, и пусть они едят в твоих городах (бука. "вратах, жилищах". - В.П.) и насыщаются" (Второзак. 26, 12). Цитированный пассаж Второзакония был популярен на Руси, ибо в "Поучении духовника исповедующимся" (список XIII в.) говорится: "десятину же от всего имения своего, лоучшее отъем, дажь Богови, совокупя же ю, держи оу собе, да от того даеши сироте и вдовяци, и странным, и попом, и чернцем, и убогим" (Флоря 1992. С. 35).

Соответственно, слова т.н. Устава Владимира Святославича (вторая половина XII в.) о том, что князь дал церкви "из домов на всякое лето десятое всякого стада и всякого жита" (Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. С. 18, 23) и т.п. древнерусские установления (см. Флоря 1992. С. 21-35), нельзя рассматривать без учета блблейской "книжной" традиции. Эта естественная для Руси ориентация на "Ветхий завет" создает дополнительные сложности для различения "книжного" и реального в ранней русской истории. Вместе с тем, безусловен реальный вклад ветхозаветной традиции в формирующуюся русскую культуру и творческое восприятие этой культурой высокого образца, целенаправленные поиски в Священном писании "конструктивных основ" для строительства собственной культуры.

А.В.Подосинов (Москва)

**Керчь - город греческий, хазарский, русский
(к происхождению названия)**

Как известно, впервые славянское название города Керчь (КОРЧЕВ) появляется на знаменитом Тмутороканском камне 1068 г., из надписи которого мы узнаем, что "Глеб князь мерил море по леду от Тмутороканя до Кърчева" (позже это имя появляется только в "Житии Св. Стефана Сурожского"). На этом основании делается вывод о вхождении Керчи в XI в. в состав

русского Тматороканского княжества, просуществовавшего на Таманском полуострове, вероятно, с начала или середины X до конца XI в. (уже после 1094 г. в русских источниках не встречается известий об этом княжестве).

Если судить по работам большинства современных топонимистов и этимологов, название КЕРЧЬ является славянским по происхождению и выводится из славянских корней; существует несколько вариантов объяснений: от *КЪРКЪ 'горло, шея' (А. И. Соболевский, О. Н. Трубачев); от *КЪРЧИТИ 'корчевать' (Б. Унбегауц, М. Фасмер); от КЪРЧИЙ 'кузнец' (В. И. Аббасов, В. П. Нерознак).

Знакомясь с этими этимологиями, неискушенный читатель может подумать, что славяне пришли на пустое незаселенное место и дали ему свое название, исходя из географического положения (горло-устье Азовского моря), природных условий (заросшая лесом местность, которую следовало раскорчевать) или наличия полезных ископаемых (железа для кузнечных работ) на новом месте поселения.

И это говорится о городе, имевшем за плечами около 16 веков непрерывного развития! Основанный в VI в. до н.э. греческими колонистами из Милета, город под именем ПАНТИКАПЕЙ вскоре стал столицей Боспорского царства и вплоть до конца античности представлял собой один из крупнейших и значительнейших городов Северного Причерноморья. Существовал он и в средние века.

Несмотря на все возрастающую варваризацию населения Боспорского царства (которая началась в виде "сарматизации" Боспора уже с конца I в. до н.э.) и ухудшение экономического положения государства, великое переселение народов (появление в Крыму готов в конце III в. и гуннов в 70-х гг. IV в.) не прекратило истории города. Гуннский протекторат давал возможность местным боспорским правителям осуществлять, как и раньше, управление государством, о чем свидетельствуют боспорские греческие надписи V века. В первой четверти VI в. Боспор был присоединен к Византийской империи, здесь находился центр византийского

административного округа. До 575 г. город оставался под властью Византии; император Юстиниан укрепил город, построив оборонительные стены. Важным для сохранения греческого континуитета на Боспоре было распространение здесь с III в. христианства; с IV в. в городе находилась самостоятельная епископия Константинопольской патриархии.

В 575 г. в Крым вторглась новая волна тюркских завоевателей, получивших позже название хазар. Но и тогда город не потерял своего греческого облика и связи с византийской метрополией.

В VII в., когда хазары прочно утвердились в восточной части Крыма и на Северном Кавказе, Боспор перешел под власть хазарского государства. Известно, что в начале VIII в. город был резиденцией хазарского наместника - тудуна. Хазарский гарнизон находился на Боспоре, по-видимому, еще в конце IX - начале X в. Хазарское влияние на Боспор могло сохраняться до второй половины X - начала XI в., когда, после уничтожения русскими хазарского царства, город вошел в состав русского Тмутароканского княжества. Русское владичество над Боспором-Керчью стало одним из эпизодов драматичной судьбы города; появившиеся в конце XI в. в причерноморских степях половцы, а затем сменившие их в начале XIII в. татаро-монголы надолго (вплоть до XVIII в.) прервали контакты Русского государства с Крымом.

Таким образом, период русского "протектората" над Керчью продолжался недолго. Вернувшиеся спустя семь веков в Крым русские застали здесь город с названием КЕРЧЬ, которое с тех пор и вошло в русский язык. Предположение, что название КЕРЧЬ, которым пользовались крымские татары, обязано своим появлением русским X-XI вв., которые, возможно, доминировали здесь в течение века, выглядит невероятным. Тем более, существует ряд данных, позволяющих предположить более раннее, еще дославянское бытование этого имени на Боспоре.

Так, к хазарскому периоду в истории города относится сообщение арабского автора начала X в. Ибн-Русте о мадьярах,

которые торговали славянами-пленниками в городе К-Р-Х (т.е. Керчь), выменивая их на греческие товары (Д.А.Хвольсон, Ф.Вестберг, С.А.Макартней, V.Minorsky, Т.Lewicki). По мнению, А.П.Новосельцева, эта информация о Восточной Европе у Ибн-Русте восходит к 80-м гг. IX в.

С этим названием уже давно был сопоставлен топоним К-Р-Ц, зафиксированный в Крыму в письме хазарского кагана Иосифа, написанном на древнееврейском языке в X в. (П.К.Коковцов, Т.Lewicki, G.Schramm). И хотя многим исследователям еврейско-хазарской переписки как раз это место письма представляется особенно подозрительным, все же имя К-Р-Ц – когда бы оно ни было вставлено в оригинал письма – должно отражать некоторую традицию наименования этого города хазарами.

Итак, славяне пришли в город, уже имевший свое название, которое должно было принадлежать местному населению Крыма, возможно, хазарам, жившим здесь с VI-VII по XI в. (так думали Ф.Брун, Ю.А.Кулаковский, G.Schramm). Исходя из особенностей графики арабского и древнееврейского языка, этот топоним можно прочитывать как КОРХ, КУРХ, КАРХ, КАРХ, КАРДХ и даже как КЕРЧЬ или КОРЧЬ (Ю.А.Кулаковский, Т.Lewicki).

Констатировав тюркскую этимологию топонимов СУРОЖЬ и ТМУТОРОКАНЬ, Г.Шрамм пришел к выводу о тюркском происхождении и имени КЕРЧЬ. Насколько мне известно, тюркская версия объяснения названия Керчь не имеет какой-то положительной (хотя бы и предположительной, как в славянском варианте) этимологии.

Не мог ли в таком случае тюркский вариант имени, как и славянский, быть отражением существовавшего еще до тюрков самоназвания города? "До тюрков" должно означать в нашем случае "при греках".

Свидетельство Ибн-Русте показывает, что и в хазарский период своей истории город оставался греческим по составу населения; по-видимому, его функция торгового города, осуществляющего обмен товарами между варварским хинтерландом

Северного Причерноморья и византийским миром, не менялась при любой власти – будь то гунны, хазары или кто-то еще.

В связи с такой постановкой вопроса привлекают внимание свидетельства латиноязычных авторов Иордана (сер. VI в.) и Космографа из Равенны (VII в.), которые вместо ПАНТИКАПЕЯ дают название CAREON (Jord. Get. 32; Cosm. Rav. IV, 3; V, 11). В историографии это название воспринималось как искаженная передача имени ПАНТИКАПЕЙ (Th. Mommsen, D. A. Кулаковский, W. Tomaschek, R. Rebuffat); существование связи между названием CAREON и позднейшей КЕРЧЬЮ равно сто лет назад предполагал D. A. Кулаковский.

Мне уже приходилось показывать преемственность, существующую в изображении Северного Причерноморья между знаменитой картой мира Марка Випсания Агриппы (конец I в. до н.э.) и последующими описаниями этого региона, в частности, у Иордана и Равеннского Анонима.

Бросается в глаза, что во всех памятниках этой (агрипповой) традиции отсутствует название Пантикапея (или Боспора), вместо которого выступает некий Careon.

При объяснении этой загадки не учитывается один интересный факт. В 14 г. до н.э. сам Агриппа принимал деятельное участие в устройстве дел на Боспоре (подавление восстания Скрибония, посылка туда понтийского царя Полемона, объединение Боспорского и Понтийского царств, брак Полемона и боспорской царицы Динамии). Известно также, что в период между 17 и 14 г. до н.э. Динамия переименовала столицу Боспора ПАНТИКАПЕЙ в КЕСАРИЮ (Caesarea, Caesareae, Καίσαρεια), а ФАНАГОРИЮ в АГРИППИЮ (Agrippaea, 'Αγρίππεια); об этом свидетельствуют эмиссия медных фанагорийских монет этого времени и боспорские надписи (А. В. Реветников, М. И. Ростовцев, А. Н. Зограф, Н. А. Фролова, В. А. Анохин, С. Д. Сапрыкин).

Логично предположить, что в труд Агриппы, изданный после его смерти в 8 г. до н.э., эти два города вошли в их новых наименования, которые стали официальными их названиями. И действительно, позднее мы практически не

встречаем имени Пантикапея ни в эпиграфике, ни в нумизматике Боспора, зато оба новых названия – КЕСАРИЯ и АГРИППИЯ – выступают в боспорской эпиграфике еще в начале IV в. Можно поэтому предположить, что новые названия укоренились в живой языковой практике жителей Боспора и стали греческим самоназванием города (ср. однако точку зрения В. Ф. Гайдукевича и В. Д. Блаватского).

Теперь становится понятным, почему в римской постагрипповой традиции, которую мы прослеживаем до средневековья, отсутствует название ПАНТИКАПЕЙ. Вместо него должно было бы выступать имя CAESAREA, или CAESAREON, которое мы и встречаем в искаженной форме CAREON у Иордана и Космографа из Равенны.

Конечно, существуя только в латинской ученой картографической традиции, название CAREON не могло стать основой образования топонима КЕРЧЬ в живой практике номинации жителей Боспора (как предполагал Д. А. Кулаковский). Зато оно является ценным свидетельством существования этого топонима (хотя и в испорченном виде) в средневековый период истории города.

Несомненно, названием-основой для происхождения КЕРЧИ должна была стать КЕСАРИЯ (именно так звучала античная КЛЙСАРЕЙЯ в средневековом греческом произношении).

Непрерывность существования здесь одного и того же, греческого в этнической основе и грекоязычного населения вплоть до хазарского завоевания и даже позже, позволяет предположить и континуитет самоназвания жителей Кесарии, начиная с последней четверти I века до нашей эры. Хазары, имевшие в Керчи представителей своей администрации, столкнувшись с этим самоназванием, по-видимому, воспроизвели его в несколько измененном виде.

Могло ли имя КЕСАРИЯ в тюркской передаче трансформироваться в КЕРЧЬ? К сожалению, мы слишком мало знаем о фонетике древних западнотюркских языков; тем не менее представляется, что такой переход был возможен.

Перестановку согласных [с] и [р] греческого названия можно, вероятно, объяснить явлением метатезы, свойственным тюркским (в том числе и древним) языкам. Переход греческого [с] в тюркский [ц] или [ч] или [ш] или [ж] или [дж], отраженный арабскими, древнерусскими и древнееврейскими источниками, также как будто не представляет сложности с точки зрения тюркской фонетики.

Итак, не лишено, вероятно, смысла предположение, что современное имя города – КЕРЧЬ – несет в себе историческую память о событиях более чем двухтысячелетней давности и в отдаленной форме отражает название, данное городу боспорской царицей Динамией в честь императора Августа. Несмотря на то, что городом с тех пор владели различные этнические группы – гунны, хазары, византийцы, русские, золотоордынцы, турки-османы и снова русские, – прежнее имя упорно оставалось (с различными изменениями в произношении) самоназванием города и его жителей.

В.М. Рыцка (Киев)

Об одной религиозной традиции в междукняжеских отношениях средневековой Руси

Существенным элементом междукняжеских отношений средневековой Руси была религиозная церемония крестоцелования, практиковавшаяся при заключении договорных обязательств. Первое упоминание об этой церемонии в древнерусских летописных источниках фиксируется под 1059 г. Тогда Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославиичи, сообщает летописец, освободив своего дядю Судислава из темницы, "заводивъше (его. – В.Р.) кр[е]сту". Впрочем, обряд целования креста как символ клятвы-присяги нерушимости взятых на себя договаривающимися сторонами обязательств был известен киевским христианам, как свидетельствуют тексты договоров Руси с Византией, еще в X в.

Обычай целования креста при скреплении договорных отношений, укоренившийся в междукняжеской среде с середины XI в., был следствием возрастающей роли христианского клира в государственной жизни средневековой Руси. Нам представляется рискованной предпринимаемая некоторыми исследователями попытка отождествлять религиозно-языческую форму клятвы-присяги, обозначаемой в источниках словом "рота", с обрядом крестоцелования только на том формальном основании, что оборот "заводити кресту" строился летописцем по образцу "заводити *ротъ". В средние века крест был главнейшим символом христианских добродетелей. В соответствии с византийской традицией, крест и образ Богородицы образовывали идеальный комплекс в символике христианского царства. Наделенный синтезирующей силой, способный объединить небесное и земное, крест символизировал ограждение, защиту, даруемые христианством. Традиция почитания креста, и в частности обычай его целования, восходит, по свидетельству древнерусских книжников, еще к апостольским временам.

В политической идеологии и культуре Киевской Руси крест выступает универсальным средством, способным и спасти, и освятить, и наказать: "крестомъ бо побѣдени бывають силы бѣсовьскыя, крестъ бо княземъ в бранехъ пособити, въ бранехъ крестомъ сограждани върни людье побѣждать супостаты противныя, крестъ бо вскорѣ избавляеть от напасти призывающи его с вѣромъ" (ПВЛ. Ч. I. С. 115)

Крестоцелование как символ скрепления междукняжеских договоров отражает особый статус князя, ответственного в своих действиях только перед Богом и сородичами, но не перед законом и "людьми". Вот почему процедура целования креста имела торжественный характер и происходила главным образом в христианских храмах-святынях. Например, в 1093 г. Святополк Изяславич вместе с Владимиром Мономахом, поступившимся первому своим правом на киевский стол, "целоваста крест межи соборъ" в киевском храме св. Михаила. Изяслав Мстиславич совершая эту процедуру в 1147 г. вместе с Владимиром

Давыдовичем и Святославом Ольговичем в черниговском Спасе. Междукняжеские соглашения, скрепляемые процедурой крестоцелования, имели свою письменную форму, известную по источникам под названием "крестная грамота". Существенно переделанные летописцами тексты этих документов дают, однако, представление больше о своем содержании, чем о внутренней структуре.

Нарушение междукняжеских обязательств, скрепленных крестоцелованием, не было единичным в политической практике Киевской Руси. Оно противоречило нормам христианской морали и вызывало осуждение со стороны церковных иерархов. Христианская добродетель князей измерялась не в последнюю очередь их отношением к нерушимости взятых на себя обязательств. Например, в летописном некрологе 1173 г. на смерть князя Глеба Юрьевича, в частности, подчеркивается: "Сеи бѣ князь братолюбѣцъ, къ кому любо кр[е]сть цѣловашеть, то не ступашеть его и до см[е]рти" (Ипат. Стб. 563). О моральной ответственности за нарушение крестоцелования пространно рассуждает и Владимир Мономах в своем "Поучении" детям. Этот вопрос был весьма актуальным для тогдашней общественно-политической мысли, политической практики и идеологии.

Крестоцелование практиковалось преимущественно в междукняжеской среде, а в сфере внешнеполитической – исключительно между единоверными властителями. Примечательно, что скрепление договоров древнерусских князей с половецкими ханами в летописных текстах неизменно передается словами "водити ротѣ".

Религиозная церемония крестоцелования, распространенная в Древней Руси, объективно способствовала смягчению междукняжеских противоречий и сохранению, пускай и относительного, общественного спокойствия.

М. Б. Сведлов (Санкт-Петербург)
"Корм" как феодальный социально-политический институт
на Руси IX-XIII вв.

1. Русские исследователи XVIII-XX вв неоднократно обращали внимание на "корм" в Древней Руси как на подношения или плату князьям и их должностным лицам за исполнение ими военных, административных, судебных функций, а также как на одну из форм государственного обложения. Н. П. Павлов-Сильванский только наметил сопоставление кормлений XIV-XV вв. и западноевропейского фьефа-должности. В советской литературе 20 - 50-х гг., да и позднее, особое внимание уделялось в феодальном строе крупному землевладению и крепостничеству, что должно было свидетельствовать о "марксизме" этих исследователей. Односторонность такого подхода приводила к ограничению податей государственными функциями. Очевидное значение государственных податей в материальном обеспечении правящего класса привело С. В. Дукова к мнению о превращении дани в феодальную ренту, а Л. В. Черепнина - к отождествлению податей-налогов с рентой как экономической формой реализации верховной собственности государства на землю. Эти идеи нашли широкое распространение в советской литературе 50 - 80-х гг. Оба противостоящих направления исходили из "марксистской" идеи о земельной ренте как единственной форме феодальной ренты. Видимо, только Я. Н. Шапов отмечал тогда рентное содержание неземельных пошлин в древнерусский период. В 50-е гг. А. Я. Гуревич рассматривал на англо-саксонских и норвежских материалах кормление как средство эксплуатации крестьянства раннефеодальной властью, отмечая близость норвежской веицлы и древнерусского полюдья. Но в 80-е гг. он свел кормления к "выражению примитивного суверенитета главы племени" в период становления территориально-государственного устройства. Историография проблемы определяет основные направления в изучении "корма"-кормления как социально-политического института и элемента общественного строя: 1) его природа и

функции в генетическом развитии со времени возникновения, 2) изменения в развивающемся обществе, 3) комплексное использование исторических источников, 4) сравнительно-исторический анализ в синхростадиальных обществах.

2 Возникновение "корма", как следует из "Германии" Тацита, восходит к развитому племенному строю. Это были добровольные натуральные подношения в мирное время (у славян - "дар"^у рядовых членов племени "вождям", в число которых входил "король". Эти подношения материально поддерживали вождей и их дружины, освобождая их от физического труда. Вождь также должен был обеспечивать дружину питанием, одной из форм которого являлись пиры. Тацит отметил социально-политическую функцию пиров - они "заменяют жалование за службу" (Tacit. Germ., XIV, XV).

3. В процессе формирования Русского государства во второй половине IX - середине X в. "корм"-кормление стало составной частью полудья - особой формы взимания государственных податей и административно-судебного управления. Эта функция полудья передана Константином Багрянородным глаголом *διατρέφω* "прокармливать, питать, содержать". Реально "корм" во время полудья представлял собой натуральное обеспечение князя, княжих людей и их дружин во время объезда ими (*уѣзда*) подчиненных территорий с ноября до апреля. Такое натуральное обеспечение было аналогично вейцле с правом ее пожалования королем приближенной знати и служилым людям (А.Я. Гуревич). Это же назначение "корма" отразилось в Первом Болгарском царстве VIII-IX вв. в названии особой категории служилой знати - *φραγτοὶ ἀνδρικοί*. На Руси X в. данная эволюция "корма"-кормления стала одной из основ передачи князем дани приближенным служилым людям (Свенельду) от определенных племенных княжений и натурального обеспечения во время сбора второй дани.

4 Быстрое развитие русской государственности в середине X - начале XI в. включало эволюцию

административно-судебной и податной систем. Одной из форм материального обеспечения первой и материального выражения второй стал "корм". "Докон вирный" Краткой редакции Русской Правды (первая половина XI в.) раскрывает натуральное и денежное содержание "корма" в виде прямых поступлений от местного населения князю, служилому человеку во время исполнения им административно-судебных обязанностей. При этом существенно альтернативное уравнивание продуктовой и денежной форм "корма". Только денежные отчисления отмечаются по Русской Правде кидым служилым людям за исполнение административно-судебных функций наряду с судебными повинными князю и десятиной - церкам (ст. 41, 42 КП; ст. 9, 10, 74 ПП). Одну треть поступающих податей получал подобно меровингским графам и скандинавским ярлам князь-наместник (Ярослав в Новгороде в 1014 г.) и, вероятно, посадники для содержания себя и своих дружинников, исполнявших военные и административно-судебные функции, а также почетные обязанности княжеских слуг. Денежная форма стала в XI в., вероятно, основным видом материального обеспечения за службу князю, как следует из так называемого Начального свода (Новгородская первая летопись).

5. В XII-XIII вв. "корм"-кормление в альтернативном натуральном и денежном содержании стало также средством материального обеспечения вассальных князей-изгоев, членов княжеских семей, в XIII в. - бояр в виде княжеских раздач городов - с волостями, волостей и сел (или податных поступлений от них). Единая природа натурального "корма"-кормления в податном обложении и функций в материальном обеспечении князя и служилых людей способствовала появлению, вероятно, в конце XI в. синонима термина "корм" - "хлеб" как обобщающего названия натурального податного обложения.

6. Двойственная природа "корма"-кормления на всех этапах его становления и развития, от племенного строя до государственного, раскрывается в его прямых связях с феодалами, от добровольных подмошениц до государственных

податей, и в функции материального обеспечения за службу князю и княжеского пожалования. В этой природе "корма"-кормления и его функциях устанавливается его тождество с западноевропейским феодалом. Отсюда следует, что "корм"-кормления являлся составной частью феодального строя, основанного на неземельных феодалах, на феодалах-должностях с натуральным и денежным содержанием, феодалах-деньгах с последующим появлением земельного феодала. Государственные подати наполнялись рентным содержанием только тогда, когда они в виде этих феодалов, "корма"-кормления, передавались за службу князю (королю). Вне этой функции они сохраняли общегосударственное значение

7. Содержание "корма"-кормления как феодала раскрывает обоснованность наблюдений гениев эпохи Просвещения и историков "романтической школы" о феодализме как общественном строе, основанном на феодалах. Это направление изучения феодализма не отрицает, а предполагает позитивистское и марксистское направления изучения феодальных отношений в господском хозяйстве через разные формы ренты, взимаемой с феодально зависимых людей, но без стереотипов середины XIX-XX вв.

И. П. Стеростина (Москва)

К вопросу о творчестве, атрибуции и хронологии произведений Кирилла, епископа Туровского

Творчество Кирилла Туровского, выдающееся явление в культурной жизни Древней Руси, сыскало ему в века заслуженную славу. Современники и потомки осознавали его несомненность и талант, о чем свидетельствует обширная археографическая традиция его описаний, переписывавшихся вплоть до XIX в. Автор продолженного жития (XIII в.?) назвал его "другом Златоустом" (в других списках - "Златословесным"), просиявшим в Руси "паче всем", просветившим "пресветлым учением своим конца руския... яко

солнце омрачныя и темныя богоразумием просвѣщая". Его авторитет у средневековых русских книжников был настолько высок, что в трудную годину (вероятно, после татарского разорения) сохраняется вера в силу молитвы Кирилла, о которой молит его древний биограф об избавлении "от належащих бед и томления поганского .. от безбожных Агарян, присно мучащих ны".

Сборники с произведениями Кирилла Туровского сохранились с XIII в., в XIV в. в сборниках-прототипах позднейших Златоустов и Торжественников Слова Кирилла Туровского начинают вытеснять переводные произведения известных мастеров ораторской прозы, приуроченные к тем же праздникам. В XVII в. его знал Петр Могила, его произведения до XVIII в. входили в состав старопечатных книг, в том числе Симеона Медведова, в XVII в. перелажались в стихи и прозу (Статир священника из г. Орла Пермской губернии и др.). В 1877 г. в память о выдавшемся проповеднике Древней Руси титул епископа Минского и Бобруйского был изменен на Минский и Туровский, а в 1878 г. один из приделов Минского кафедрального собора переименован в его честь.

В давнем споре о компиляторстве Кирилла современная историография почти единодушно поддерживает Е.Е.Голубинского и В.П.Виноградова, признавая оригинальность его творчества (И.П.Еремьин, Д.К.Бегунов, В.В.Колесов, Г.Подскальский и др.). Широко используя лучшие образцы греческих патристических сочинений (Иоанн Златоуст, Григорий Назианзин, Елифаний Кипрский и др.), схемы Священного писания, он создавал совершенно новые, одухотворенные талантом и глубокой верой яркие впечатляющие произведения. Выявленные источники его сочинений не просто очерчивают круг чтения древнерусского книжника XII в. из г. Турова, но свидетельствуют о глубоком проникновении в основы христианского вероучения, активном усвоении византийского литературного наследия, творчески переработанного культурной средой Древней Руси, выдающимся представителем которой был Кирилл Туровский.

Е.Е. Голубинский, сознавая высокий уровень ораторского мастерства и образованности Кирилла Туровского, называя его, если угодно, русским Златоустом XII в., все же весьма критически воспринимал его как проповедника "учения нравственного назидания". Относя его феномен к исключительному и случайному в русской средневековой мысли, он приравнивал его к "рядовому хорошему греческому оратору", проповеди которого к тому же совершенно не соответствовали "необразованной пастве XII в."

Современные исследователи, отдавая должное ораторскому искусству и литературному дару Кирилла, видят в нем незаурядного теолога, мастера богатой аллегорезы в экзегетике, сочинения которого были ориентированы на высокоинтеллектуальную образованную элиту, способную оценить мастерство и эрудицию писателя. Его произведения были известны в славянской письменности (ранние списки датируются XIII в.), выходя за пределы древнерусской литературной традиции.

Несмотря на обширную историографию, многие вопросы, связанные с оценкой творчества Кирилла, остаются не до конца выясненными. Не вполне определен круг атрибутируемых ему сочинений. Общепризнано авторство Кирилла для трех притч и восьми Слов на церковные праздники, однако возможно расширение списка при углубленном исследовании других приписываемых ему произведений. Не в полной мере выявлена и опубликована рукописная традиция сочинений, несомненно принадлежащих Кириллу Туровскому. После издания Бремнера перечень рукописей с его работами значительно пополнился, не исключены и новые открытия. По-разному, порой произвольно, интерпретируются сообщения его жития о произведениях Кирилла, в том числе несохранившихся. Недостаточно изучена и не имеет надлежащего издания атрибутируемая Кириллу гимнография. Не свободны от неточностей биографические данные, сообщаемые в разного рода современных изданиях. Не все стороны его творчества нашли адекватное отражение в литературе. Сила художественного воздействия, эмоциональная

и образная насыщенность его сочинений были настолько велики, что у исследователей и в прошлом, и в нынешнем веке автор-поэт заслонял автора-богослова. Может быть отчасти и поэтому, а не только в силу идеологических препонов или недостатка эрудиции стилистическое своеобразие и литературное мастерство Кирилла больше освещены в литературе. В последние годы в науке выросло понимание значительности теологического уровня трудов Кирилла Туровского, исследования в этой области весьма перспективны.

Не обойдена вниманием и роль Кирилла в общественно-политической жизни и церковно-политической борьбе на Руси XII в. Однако до последнего времени это направление остается недостаточно изученным и содержит разноречивые характеристики. Мало исследовано житие Кирилла, обращение к нему в сопоставлении с другими источниками может быть полезным для уточнения атрибуции и хронологии его произведений.

О жизни Кирилла Туровского сохранилось очень мало известий. Основные данные сообщает его краткое житие, читающееся в списках II русской редакции Пролога под 28 апреля. Другие факты устанавливаются путем сопоставления разных источников. Критического издания и специального исследования жития нет, отдельные списки опубликованы в разных изданиях, порой ставших библиографической редкостью. Между списками имеются текстуальные расхождения разного характера. Летописи полностью умалчивают о Кирилле Туровском. Даты рождения и смерти Кирилла неизвестны.

Согласно житию, Кирилл происходил из богатой семьи г. Турова, принял монашество, через какое-то время стал затворником-«столпником». Прослаившись в своей земле, «умолением» князя и людей был возведен митрополитом на епископскую кафедру г. Турова. Приблизительная дата посвящения в епископы – до 1169 г. определяется сообщением Лаврентьевской летописи под этим годом о казни епископа Ростовского Федора («Феодорца»), «ересь» которого, по житию, «обличил и проклял» Кирилл. Источники молчат и о прекращении

деятельности Кирилла. Поскольку под 1183 г. в Ипатьевской летописи в г. Турове выступает епископ Лаврентий, вероятно, к этому времени он уже не занимал епископскую кафедру или его не было в живых (в большинстве исследований указан 1182 г., как в летописи; уточненная Н. Г. Бережковым дата почти не замечена в новейшей литературе).

В начальной части жития опубликованные списки, сообщая о монашеском периоде деятельности Кирилла, одинаково говорят о его наставлении монахам, поучающем "мнихъ в покорений и в послушание быти игумену, того имети яко от Бога и при всем его послушати, чернец убо же не имеет послушания ко игумену, яко же обещаея, таковой не мает быти спасен". В притче "о белоризце чловеце и о мнишестве" содержатся сопоставимые рассуждения: "Суть бо вси под игуменом, аки уди аггельская и мнишская одино есть: они бо и ся, всю свою оставльше волю, Божию и игумену повинуваться повеле нию, им же сам Господь мздовоздатель противу трудом бысть. Иже бо, рече, душо свою погубит моих ради словес, обряцеть бо я в вечном животе..."

Приведенные параллели подкрепляют существующее мнение ряда исследователей об отнесении притчи о белоризце к доепископскому периоду жизни Кирилла.

Об участии Кирилла Туровского в осуждении в 1169 г. епископа "Феодорца" известно только из жития Кирилла. Впервые попытался найти в произведениях Кирилла следы этого драматического, но во многом неясного эпизода политической борьбы XII в. Еремин. В 1925 г. в тексте притчи о слепце и хромце он выделил целый ряд пассажей, направленных против священнослужителей, даже в сане епископов нарушающих заповеди. Это позволило Еремину по-новому оценить притчу как "памятник нашей древнерусской церковной публицистики" в противовес "общераспространенному представлению о ней, как просто образцу книжной учености и витийного плетения словес". Впоследствии (1955 г.) он повторял это утверждение, отметив направленность притчи - "политического памфлета" против епископа Федора и возможно против князя Андрея

Боголюбского. Этот тезис, в основном воспринятый исследователями, получил разные интерпретации (Андрей Боголюбский, как и Федор, выступает то в ипостаси слепца, то хромца, обсуждается вопрос о "переписке", "полюемке" между ними и т.п.).

В работе об ораторском искусстве Кирилла Туровского (1961) Еремин, анализируя цикл из 8 Слов на церковные праздники, выделял в пятом Слове "О расслабленном" неожиданный в контексте выпад, близкий по форме и стилистике к предостережениям притчи о слепце и хромце. На этом основании он высказал предположение о создании всего цикла, как и притчи, в 60-е гг. XII в. Однако в литературе последних лет встречается отнесение этой притчи к "столяническому" периоду жизни Кирилла с соответственной оценкой, противопоставляющей эти произведения как разнотипные в его творчестве. Обращение к летописным известиям 1169 г. об осуждении и казни Федора позволило выделить некоторую общую идейную направленность и текстуальное совпадение с восьмым Словом памяти отцов Никейского собора с осуждением ереси Ария, что подкрепляет предположение Еремина об отнесении цикла Слов к 60-м гг. XII в.

В сообщении разных списков жития о произведениях Кирилла имеются разночтения. Наиболее полные сведения содержатся в Румянцевском списке (322). В нем упоминается найденный "канун великий о покаянии к Господу... по главам азбуки", который был известен во время составления жития, "се же и донны творят вернии русьми людие". Все списки жития упоминают о посланиях Кирилла Андрею Боголюбскому после текста об обличении ереси Федора. Согласно Румянцевскому списку, эти послания можно отождествить с его словами: "Андрей же Боголюбскому князю многа посланий написа от евангельских и пророческих писаний, яже суть чтии на праздники господския и на многа душедолезна словеса". Спасо-Прилуцкий список дает другое чтение: "Андрей бо любявому князю многа послания написа, книги от евангельских и пророческих сказаний, яже суть на праздники господския,

ина душеполезна в них словеса..." Этот текст можно понять или как перечисление разных сочинений, или как уточнение того, какие именно послания были написаны. Если вспомнить, что притча о слепце и хромце в некоторых списках называлась "Слово душеполезно о слепци и хромци", "Блаженного Кирилла книги епископа Турьского слово полезно о хромци и о слепци", то весьма вероятно ее соотнесение с "душеполеznими словесами" жития. Эта притча в печатных сборниках XVI-XVII вв. иногда читалась в церкви в 5 неделю Великого поста. В других списках читается более краткий текст.

Сделанные наблюдения позволяют поддержать предположение Еремина об отнесении цикла Слов и притчи о слепце и хромце к периоду осуждения "Феодорца" - к 60-м гг. XII в. Данные жития не дают оснований говорить о "переписке" Андрея Боголюбского и Кирилла Туровского. Сопоставление сочинений Кирилла Туровского (в том числе гимнографии) с летописями может помочь уяснению вопроса о том, как политическая реальность XII в. отражалась в богословских толкованиях.

Столярова Я.В. (Москва)

Из истории взаимоотношений княжеской и церковной власти в Ростове в XIII в.: суд над епископом Кириллом I

Лаврентьевская летопись под 6737 (1229) г. сообщает о состоявшемся 7 сентября в Суздале суде над ростовским епископом Кириллом I (1216-1229 гг.), вследствие которого этот владыка оставил кафедру, принял схиму под именем Кириак и удалился в Дмитриевский суздальский монастырь "в свою келью, хотя лечити свою немочь". В этой обители он вскоре (17 апреля 1230 г.) скончался и был похоронен. Решением суда ростовский владыка лишился всего имущества, в том числе и книг (ПСРЛ Т. I. Вып. 1. М., 1962. Стб. 452). Из летописи следует, что суд над еп. Кириллом происходил на княжеском суде, организованном в.кн. владимирским Прием Всеволодовичем (1188-1238 гг.) Причиной съезда стало "нелюбие", возникшее

т.е. как минимум через полгода после суда над еп. Кириллом I, князья-участники суздальского съезда, Василько, Всеволод и Владимир Константиновичи, "послала к отцу своему Гюргю и к епископу Митрофану по Кирилу игумена и архимандрита монастыря святыя Богородицы Рожества дабы и пустил на епископство Ростову" (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 453).

Влияние княжеской власти на судьбы местных епископий, видимо, было довольно мощным. Известно письмо 1228 г. константинопольского патриарха Германа митрополиту Кириллу с распоряжением оградить под угрозой церковного отлучения святительские суды и церковное и монастырское имущество от княжеского вмешательства. Подобное распоряжение могло появиться только тогда, когда прецедентов покушения княжеской власти на область церковной юрисдикции становилось достаточно, чтобы вызвать беспокойство патриарха. От русских князей XI-XIII вв. часто зависели не только поставления епископов, но и даже учреждение новых епископских кафедр. Известен случай оставления смоленским еп. Лазарем (после 1205 г. - ум. до 1226 г.) своей кафедры из-за ущерба, нанесенного ей княжеской властью (Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1904. Т. 1. 1-я пол. С. 554. Примеч. 1; Шапов Я.Н. Государство и церковь в Древней Руси X-XIII вв. М., 1989. С. 186 и др.).

Летописный текст оставляет впечатление, что еп. Кирилл I покинул кафедру не по суду в связи с конфискацией имущества, а по болезни ("...оставив епископью..., хотя лечити свою немочь, яже бо ему внутрь, быше же ему лице изменилося, аки почернело от недуга, устне отолстели и нос..."). Это связано с тем, что о болезни Кирилла и о том, что он оставляет кафедру, в летописи говорится перед известием о суде над ним. Однако суд состоялся 7 сентября, и только спустя 9 дней после приговора ростовский владыка отошел в Дмитровский монастырь и принял там схиму.

О той части имущества, которая оставалась за ним по суду, в летописи говорится, что "все, что ему оста, то рождая любимиим и нищим". Очевидно, речь здесь идет о личной

собственности владыки.

Традиционно в исследовательской литературе считалось, что изъятая у еп. Кирилла I библиотека была частью его личного имущества (Г.И.Воздорнов, В.С.Голышенко и др.). Однако в этом приходится усомниться. Рукоположенный 6 апреля 1231 г., новый ростовский епископ Кирилл II известен как автор слов и поучений, продолжатель литературных традиций, начатых при Успенском соборе в XII-XIII вв., активный строитель церквей и т.д. Ростовская епархия времени его епископства отличалась известной мощью, в том числе, экономической. Не покидала пределы Успенского собора после суда 1229 г. и библиотека Кирилла I. Видимо, не лишилась ростовская церковная организация и других своих движимых и недвижимых имуществ, накопленных при еп. Кирилле I. Иначе трудно было бы объяснить основу экономического процветания церкви и преемственности довольно значительной литературной работы, ведшейся уже при еп. Кирилле II (1231-1262 гг.), т.е. спустя всего два года после "изъятия" имущества у Кирилла I.

Таким образом, еп. Кирилл I владел "кунами", "селами", "товаром" и книгами только в качестве главы ростовской епархии. Смещение его с владычной кафедры вследствие суда 1229 г. было равнозначно изъятию из его ведения имуществ ростовской церковной организации, в том числе - епископской библиотеки.

Толочко А.П. (Киев)

**"Конституционный проект" Романа Мстиславича 1203 г. -
фальсификат Татищева?**

Тексту, занесенному В.Н.Татищевым в "Историю Российскую" под 1203 г. и излагающему предложения галицко-волынского князя Романа Мстиславича по переустройству политической системы Руси, всегда везло в нашей историографии. Несмотря на известную репутацию труда Татищева, со времен

С. М. Соловьева к "конституционному проекту" Романа Мстиславича принято относиться с доверием. При этом исследователи, верившие в истинность этого "документа", склонны были исходить из соображений принципиальной возможности такого события в контексте событий начала XIII в., то есть решать проблему в рамках политической истории, а не источниковедческих процедур. Кажется, сама репутация Романа незаслуженно бытующая в исторической литературе, провоцировала доверие к сообщению Татищева. Как ни странно, не существует ни одной попытки подвергнуть текст Татищева источниковедческому исследованию. В то же время очевидно, что сам принцип "вероятности" проекта Романа не может быть продуктивным методом для определения источниковой надежности соответствующего текста "Истории Российской".

Напомним основное содержание этого документа.

Насильно постригши Рюрика Ростиславича, Роман "с честию великов" въезжает в Киев и отсюда посылает Всеволоду Дрьезичу и иным князьям проект переустройства Русской земли. Среди идей этого предложения, во-первых, указание на старейшинство Киева и утверждение, что на этом столе надлежит сидеть "старейшему и мудрейшему" князю, который бы мог "благоразумно управлять и землю Рускую отсюда оборонять, а в братия... доброй порядок содержать". Во-вторых, Роман описывает картину нынешнего состояния, противоположную желаемой. Для исправления положения Роман предлагает: 1. После смерти киевского князя совету шести князей - суздальского, черниговского, галицкого, смоленского, полоцкого и рязанского - избрать ему преемника и утвердить выбор крестным целованием, "как то в других добропорядочных государствах чинится". 2. Не допускать к избранию младших князей, но заставить их слушать волю названных шести. 3. После избрания киевского князя, тот должен оставить старшего сына на предидущем своем уделе, а младших наделять "или от одного ж, или в Руской земли от Горыня и за Днепр, околько городов издревле к Киеву принадлежало". 4. В случае начала кем-то из князей

междоусобной войны, великому князю судить и "смирить" его. 5. В случае же внешней войны (половцы, венгры, поляки), князю великому посылать местным князьям помощь. 6. "Чтобы местные князья не оскудевали в силах", ввести порядок наследования от отца к старшему сыну, а "областей не делить".

Наконец, Роман предлагает съехаться в Киев и совместно обсудить "и устав твердый учинить". Согласно Татищеву, князья, которым, конечно же, предложение не понравилось, обещали приехать на сием, но "не поехали, извиняясь разными невозможностями". А Всеволод заявил к тому же, что "того здравле не было и я не хочу преступать обычая древнего, но быть так, как было при отцах и дедах наших". Получив такой ответ, Роман, естественно, "оскорбился велими" и уехал в свой Галич.

Таков единственный текст, из которого нам известен проект Романа.

Мало когда вспоминают, что Татищев сопровождал изложение Романового проекта примечанием (№ 569), в котором указал на источник своих сведений и обстоятельства их получения. Вот его текст: "Сие Романово предложение ни в одном манускрипте, которые я в руках моих имел, не находится, а сообщил мне Хрущев выписанное и сказав, что выписано в Новеграде из древняго летописца и писано было древним наречием, которое мы с ним переложили, как здесь. А хотя мне оное неколико сомнительно было, однако я видя: слог оного древний, которого он сам сочинить не мог; 2) что сия форма правления подобна Немецкой империи, которую никто за лучшую почесть не может, и Хрущев сам, многие в той дорожке довольно разумея, не хвалил, как я довольно его мнение зная, что он у нас монархию прочим предпочитал; 3) число шести избирателей не безопасно, ибо по три разделяся, ко окончанию привести не возмогут, разве седьмой в писании пророчен. Кто же в местных наследие одному старейшему сыну полагал, оное весьма изрядно, и естли бы сие тогда утвердилось, то б, конечно, такого великаго вреда от татар не приключилось".

Как видно, обстоятельства получения текста весьма загадочны: Татищев, оказывается, оригинала не видел, выписку ему предоставил А.Ф.Хрущев, который, хотя и не вполне владел "древним слогом", однако и был в состоянии переписать и позднее перевести текст; что за летопись, из которой якобы сделана выписка, и какова ее истинная "древность", Татищевым не указано. Что, однако, важнее, - варианты к примечанию, на которые никогда не обращалось внимание. В основу издания 1963 г. положен текст примечаний миллеровского издания XVIII в. как наиболее полный и окончательный, но разночтения подведены по более раннему варианту т.н. Воронцовского списка. Сравнение дает весьма интересные результаты. Разночтений довольно много, но важно, что Татищев изменил главное - источник информации. Если в миллеровском издании таковым указан А.Ф.Хрущев, то в Воронцовском списке значилось имя П.И.Еропкина, впоследствии дважды (!) измененное. Воронцовский список единственный, несущий в себе имя архитектора Еропкина как информатора Татищева, но он отражает вторую редакцию примечаний ко второй части "Истории Российской", и именно к нему, в конечном итоге, восходит текст миллеровского издания, в котором эта правка Татищева учтена.

Таким образом заключаем, что имя Хрущева появилось только в процессе подготовки Татищевым второй редакции. В первой редакции второй части человеком, выписавшим для Татищева текст проекта Романа, значился Еропкин. Этот важный след позволяет установить не только момент изменения примечания, но и время появления самого проекта в тексте "Истории".

Примечательно, что Татищев продолжал работу над текстом проекта и после того, как была завершена основа Воронцовского списка (положенного в основу издания 1963 г.). Некоторые поправки можно рассматривать как чисто стилистические, но некоторые сильно модифицируют смысл документа. Кроме того, в нем внимательный глаз заметит довольно значительное количество анахронистической лексики и

терминология. Однако до сих пор, пока мы имеем дело с "переводом", нет возможности квалифицировать их как доказательства анахроничности всего документа.

Это препятствие, однако, преодолимо. В томе четвертом последнего издания опубликована первая редакция второй части "Истории Российской" (по Академическому списку). Это именно та редакция, что подготовлена была Татищевым в "древнем наречии". В тексте первой редакции также находим проект Романа Мстиславича. Этот "оригинал" проекта, как оказывается, вовсе не пропавший бесследно, позволяет сделать несколько наблюдений. Во-первых, очевидно, что речь не идет о летописном тексте. Это стилизация, и местами неудачная. Во-вторых, сравнение с текстом, подготовленным для второй редакции, демонстрирует, насколько авторским считал свой текст Татищев.

Во второй редакции добавлено обширное вступление, изменены сравнительно с первой редакцией некоторые обстоятельства. Таким образом, Татищев не считал текст первой редакции ("оригинал") чем-то стабильным, каноническим.

Наряду с редакционными изменениями, сопоставление двух редакций убеждает, что Татищев менял и существенные моменты документа. Так, в первой редакции Роман посылает посольство к Всеволоду во Владимир и сам князь назван "владимирским"; во второй же - посольство посылается в Суздаль, а титул Всеволода исправляется соответственно на "князь суздальский". Другой пример. В тексте "оригинала" Роман предлагает в случае отсутствия у князя сына отдать его стол "брату родному", а в тексте "перевода" (вторая редакция) уже "брату старейшему по нем"; в случае, когда и такового не окажется, первая редакция рекомендует отдать стол "старейшему его рода", вторая же - тому, "кто есть старейший по линии в роде его". Наконец, в первой редакции отсутствует указание на то, что после неудачи с проектом Роман сажает в Киеве Игоря Ярославича.

Таким образом, оказывается, что Татищев работал с

текстом проекта Романа, текстом вставным, в характерной для него авторской манере, не делая различий между ним и текстами собственного авторства.

К тексту проекта в первой редакции Татищев также приложил примечание (№ 429). Здесь без колебаний информатором назван Еропкин. Отсутствует указание на "давний слог" новгородского летописца и весьма важное упоминание о совместном переводе на современный язык. Отсутствует также и уверение в том, что его информатор (в этом случае Еропкин) пред всеми формами правления отдавал предпочтение монархии. Таким образом, если верить первому варианту примечания, никакого совместного перевода с Хрущевым не было, и, следовательно, до момента составления второй редакции "Истории Российской" текст проекта оставался в своем "древнем наречии". Только тогда Татищев самостоятельно перевел его на современный ему язык, следовательно, одновременно с переводом и остального текста "Истории".

Вторую редакцию второй части "Истории" Татищев завершил в середине 1750 г. незадолго перед смертью. Все время с 1746 по 1750 г. он безвыездно находился под домашним арестом в Болдане. Следовательно, изменения текста проекта и примечания могут быть связаны исключительно с авторской активностью самого Татищева.

Когда же, однако, текст "оригинала" проекта попал в руки Татищева? Если верить ему (в обоих вариантах примечания), то верхнюю границу установить не трудно. И советник охланиной конторы А.Ф.Хрущев, и придворный архитектор П.М.Еропкин были замешаны в деле А.П.Волынского и вскоре же казнены. Таким образом, Татищев мог получить текст от одного из них только до 1740 г. Еще точнее, это могло произойти во время пребывания Татищева в Петербурге в 1739 г.

Наличие текста проекта уже в первой редакции "Истории", казалось бы, не противоречит свидетельствам Татищева. В какой-то форме текст "Истории" был готов уже к 1740 г. Однако, в этом варианте текста проекта Романа не было, как явствует из немецкого перевода примечаний ко второй части,

выполненного в начале 1740 г. В 1741 г. Татищев, не завершив труда, был вынужден выехать в Царицын, затем – в Астрахань (где пребывал до 1745 г.), а после отставки и до конца жизни – в имении Болдино. Именно к этому времени и относятся завершения работы над второй частью "Истории" в "древнем наречии" (Академический список).

Палеографические особенности Академического списка, установленные С.Н.Валком, весьма важны для нашей темы. Оказывается, Татищев не прекращал работы над списком в течение астраханского и болдинского периодов. В рукописи "резко различаются два перемежающихся слоя листов, каждый с иной нумерацией ссылок на примечания" (С.Н.Валк). Именно это обстоятельство позволяет достаточно точно датировать время появления проекта Романа в тексте "Истории".

Первый слой листов, ранний, имеет ссылки на номера примечаний, соответствующие их первоначальному числу – 434, но впоследствии в этих листах первоначальные номера были переправлены на новые, соответствующие окончательному их количеству, возросшему до 500. Иной, более новый слой листов знает только окончательную нумерацию примечаний и правка номеров здесь отсутствует. "Несомненно, эти листы не потребовали никакой правки номеров примечаний потому, что они были вновь переписаны в то время, когда уже были составлены новые примечания и была установлена их новая нумерация" (С.Н.Валк). Примечательно, что листы, на которых читается текст проекта 1203 г., попадают как раз в более новый слой, позднейший. Последняя цитата из Валка: "Одно то обстоятельство, что для одних страниц оказалась достаточной лишь правка номеров примечаний, но ~~не~~ было никакой нужды в правке текста, для других же понадобилась не только правка номеров примечаний, но и переписка всего текста страниц, показывает, что и текст этих последних с исправленной нумерацией является не первоначальным текстом 1741 г., а текстом, подвергшимся существенной правке Татищевым в последующие годы и поэтому потребовавший новой его переписки. Иначе говоря, этот текст является итогом

пятнадцатилетней работы над текстом, завершённой лишь к 1746 г." Следовательно, новые листы, в том числе и с текстом проекта 1203 г. отражают состояние рукописи при подготовке к отправке в Академию наук и появились в Болдине непосредственно перед этим. Таким образом, текст проекта Романа Мстиславича "попадает" к Татищеву только в Болдине в 1746 г. В первом варианте рукописи, завершённой к 1741 г., такого текста ещё не было.

Но в 1746 г. ни Броксин, ни Хрущев не могли стать информаторами Татищева, ибо оба уже были казнены.

Тем не менее, кажется, что само присутствие этих имен в связи с проектом Романа есть весьма важный след. Конфиденциалы Волинского читали историю весьма прагматически, выискивая аналогии с современными им событиями. Не трудно заметить сходство общих идей Романа Мстиславича и идей кружка Волинского. Выборность монарха, ограничение его власти шляхетским советом, наконец, болезненная в правление Анны Иоанновны проблема престолонаследия, в конечном итоге и идеи проекта 1203 г.

Однако, в системе "Истории Российской" проект играет и самостоятельную роль. Отмечу, что он скомпонован из любимых идей самого Татищева, неоднократно им заявленных в иных местах его труда, главным образом в примечаниях, совпадающих с текстом проекта Романа Мстиславича подчас даже текстуально. Проект 1203 г. призван "исправить" главные, по мнению Татищева, недостатки политической системы домонгольской Руси.

Определив проблему авторства "конституции 1203 г.", можем нечто понять и во технике стилизации. В общем, риторика Романа сильно напоминает тон летописных статей 1096-1097 гг. (подготовка Любечского съезда). Эти же статьи стали для Татищева и источником заимствований (которых достаточно количество, но по условиям места здесь нет возможности привести).

Идентичная техника прослеживается и в ином фальсификате Татищева - имитации им так называемого "Отрывка полоцкой

летописи", помещенном под 1217 г. Точно такая же лексика и синтаксические обороты, злоупотребления одними и теми же словами, неправильно использованными, выдают одну руку.

Но что важнее всего, и этот второй фальсификат Татищева связан с одним из тех же людей: отрывок якобы был выписан из летописи Еропкина. Вообще, что-то глубоко не в порядке с этими летописями, приписываемыми Еропкину и Хрущеву. Так, известно, что существовал отрывок также и смоленской летописи, предоставленный Татищеву Хрущевым. Саму летопись Татищев описывает так: "Оной продолжен до нашествия Ярославля к Батю, но конец не дописан, знатно, с чего списыван нечто пропало и оной, может, ныне отыскать удобно". Конечно, такая летопись до сих пор не идентифицирована. Она интригует несколькими обстоятельствами: во-первых, ее известия либо уникальны, либо совпадают с известиями не менее загадочной Раскольниковей летописи. Во-вторых, в летописи Хрущева содержались сведения, совпадающие с сообщениями польских хронистов XVI в. В-третьих, летопись Хрущева, по словам Татищева, была им возвращена во время работы над первой редакцией, но он продолжал черпать из нее и десять лет спустя для второй редакции. Наконец, что для нашей темы важно, даже в этом случае Татищев колебался, на чей адрес записать заслугу открытия этой летописи — Хрущева или Еропкина. Так, в первой редакции он делает примечание: "Сие взято из летописца Еропкина, а в прочих пропущено, из чего видно, что на Волыни в сии времена гисториков не было или были, да до нас не дошли", а во второй, изменив место событий, в том же месте: "Сие взято из манускрипта Хрущева, а в прочих пропущено. Из сего видно, что некто в области Полоцкой писатель Несторову летопись дополнял".

Создается впечатление, что Татищев использовал имена Хрущева и Еропкина в тех случаях, когда необходимо было сослаться на источник документа сомнительного происхождения.

Наконец, стоит ответить на последний вопрос: почему именно Роману Мстиславичу Татищев решил приписать столь

ответственную роль реформатора Руси? Действительно, если бы у него в распоряжении был лишь летописный образ этого князя, едва ли такая мысль посетила бы автора "Истории Российской". Однако в распоряжении Татищева был источник, в котором Роман – фигура незаурядных размеров, даже по-своему реформатор, – "Хроника" Мацея Стрыйковского. И хотя у Стрыйковского Роман – образ скорее негативный, но незаурядный и интригующий на общем фоне безликих князей нач. XIII в., он был вполне подходящим для той миссии, что возложена на него Татищевым.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Белецкий С.В. К вопросу о принадлежности новгородской подвески № 22-27-1181.....	1
Бябиков М.В. К изучению источников права Руси и славян.....	7
Глазырина Г.В. Сведения о "конунгах Руси" в сагах о древних временах.....	14
Гудин А.Р. Структура древнерусского княжеского рода в домонгольский период.....	17
Джаксон Т.Н. "Сбор русской дани" в конце X в. в Эстланде по скандинавским источникам.....	23
Завадская С.В. Термин "болярин" в переводных памятниках древнерусского периода.....	28
Калинина Т.М. Арабо-персидские географы о взаимоотношении русов и славян.....	30
Коновалова И.Г. Русы в северо-восточном Причерноморье и Приазовье (по данным арабских источников).....	34
Котляр Н.Ф. Ярослав ряд 1054 г.: политические перспективы и последствия.....	36
Каштанов С.М. К вопросу о происхождении текста русско-византийских договоров X в. в составе Повести временных лет.....	39
Кучкин В.А. Дреговичи в X - начале XIII века.....	43
Мельникова Е.А. "Знаки Рюриковичей" на восточных монетах.....	45
Молчанов А.А. Новгород во второй половине IX - первой половине XI в. (жизнь топонима и история города).....	51
Мугуревич Э.С. Ерсикское княжество и проблемы границ государства... ..	55
Назаренко А.В. Некоторые соображения о договоре Руси с греками 944 г. в связи с политической	

структурой Древнерусского государства.....	58
Назарова Е.А. Латгальская дань в системе отношений между Новгородом и Псковом.....	64
Никольский С.А. Женщины и кровная месть. По материалам Древней Руси и Скандинавии.....	66
Перхавко В.Б. Князь Иван Берладник на Нижнем Дунае.....	70
Петрухин В.Я. К проблеме происхождения древнерусской десятины: "Ветхий завет" и древнерусская традиция.....	75
Подосинов А.В. Керчь – город греческий, хазарский, русский (к происхождению названия).....	77
Рычка В.М. Об одной религиозной традиции в междукняжеских отношениях средневековой Руси.....	83
Свердялов М.Б. "Корм" как феодальный социально- политический институт на Руси IX-XIII вв.....	86
Старостина И.П. К вопросу о творчестве, атрибуции и хронологии произведений Кирилла, епископа Туровского.....	89
Столярова Л.В. Из истории взаимоотношений княжеской и церковной власти в Ростове в XIII в.: суд над епископом Кириллом I.....	95
Толочко А.П. "Конституционный проект" Романа Мстиславича 1203 г. – фальсификат Татищева?.....	99

Утверждено к печати
Институтом российской истории РАН
ЛР № 020768 от 15.04.93

Подписано в печать 00.00.96. Формат 60х84/16.
Тираж 200 экз. 7 п. л. 5,5 уч.-изд. л.
Цена договорная. Заказ № 9

УОП Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

